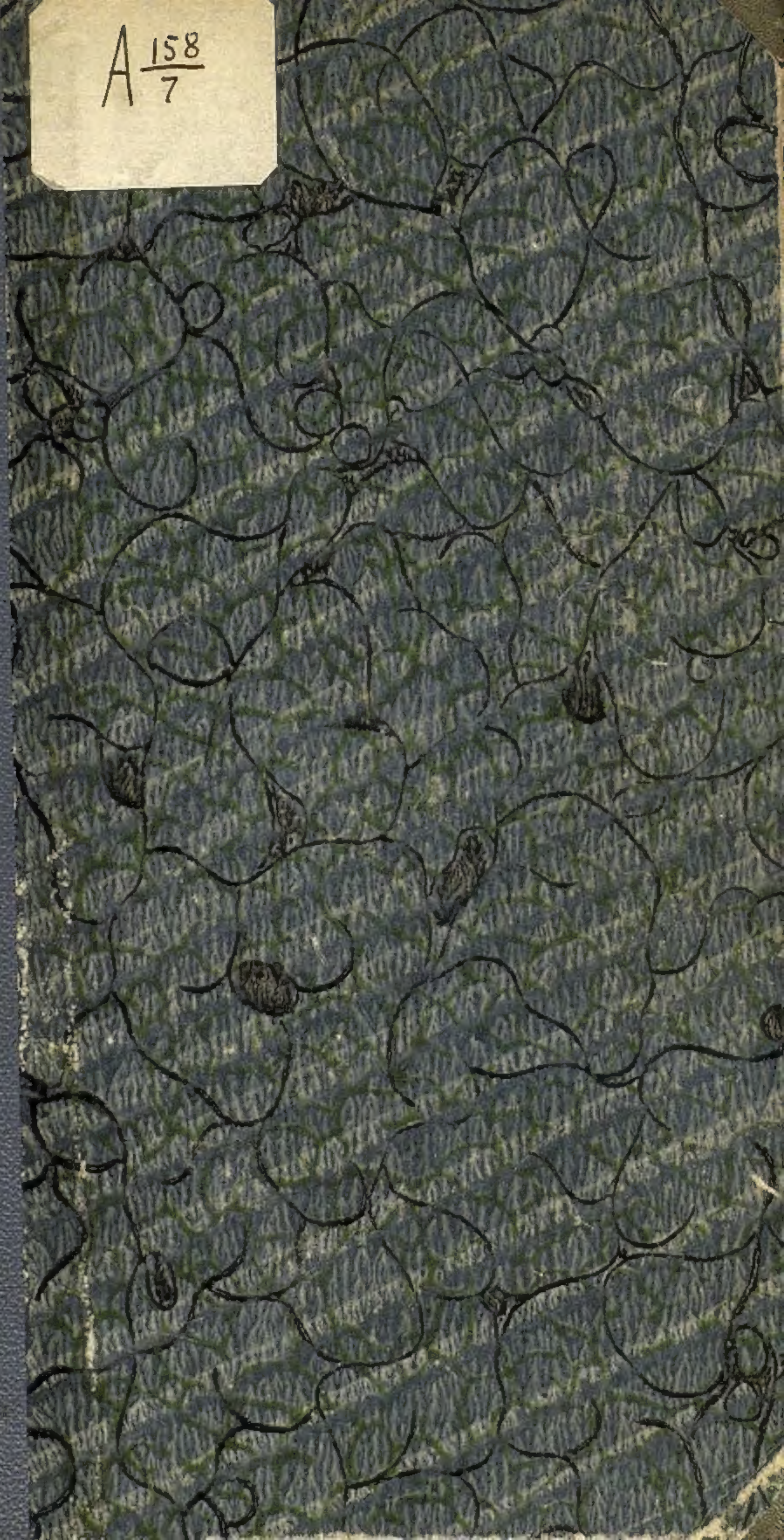
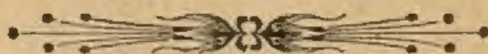

Н. Я. ГРОТЪ

КЪ ВОПРОСУ
О
КЛАССИФИКАЦІИ НАУКЪ

(НАУЧНО ПОПУЛЯРНЫЙ ЭТЮДЪ)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. № 11—2

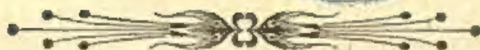

1884

Н. Я. Гротъ

КЪ ВОПРОСУ
О
КЛАССИФИКАЦІИ НАУКЪ

(НАУЧНО ПОПУЛЯРНЫЙ ЭТЮДЪ)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. № 11—2

1884

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 ноября 1884 г.

КЪ ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦІИ НАУКЪ.

Научно-популярный этюдъ.

Настоящая статья является краткимъ изложеніемъ тѣхъ мыслей о классификаціи наукъ, которыя авторъ развилъ въ прошломъ учебномъ году въ небольшомъ курсѣ, посвященномъ упомянутому вопросу и прочитанномъ въ первомъ полугодіи 1884 г. студентамъ Новороссійскаго университета. Курсъ этотъ въ то время не былъ еще обработанъ авторомъ въ литературной формѣ, такъ какъ ему хотѣлось дать мыслямъ своимъ время вылежаться и созрѣть. Нынѣ, послѣ шестимѣсячнаго промежутка, онъ считаетъ возможнымъ изложить печатно нѣкоторыя изъ нихъ, не для того, конечно, чтобы повѣдать міру какія-либо важныя открытія и не потому, чтобы онъ считалъ свои взгляды на данный предметъ окончательно созрѣвшими и установившимися, а исключительно только вслѣдствіе внутренней потребности систематизировать эти взгляды и подѣлиться ими съ людьми науки и съ образованными читателями вообще. Вопросъ о классификаціи наукъ настолько сложенъ, запутанъ и далекъ еще отъ окончательнаго своего разрѣшенія, что всякая попытка освѣтить его съ новой точки зрѣнія, какъ бы неудачна она ни была по своимъ результатамъ, должна встрѣтить сочувствіе въ людяхъ, чуждыхъ узкихъ тенденцій той или другой опредѣленной «школы» мысли и стремящихся исключительно къ открытію истины, откуда бы она ни пришла. Этимъ-то людямъ, признающимъ лишь одну тенденцію — познать истинныя отношенія вещей, авторъ и посвящаетъ настоящій скромный этюдъ свой.

I.

О научномъ значеніи классификаціи наукъ.

Прежде всего намъ необходимо остановиться на вопросѣ, составляетъ ли задача классификаціи наукъ въ свою очередь научную задачу. Вопросъ этотъ на первый взглядъ можетъ показаться страннымъ. Если до сихъ поръ этотъ вопросъ обсуждался людьми науки въ научныхъ трактатахъ, то какимъ образомъ можно сомнѣваться въ томъ, что онъ есть вопросъ научный? Но вникнемъ глубже въ дѣло. Если классификація наукъ есть, въ свою очередь, предметъ изслѣдованія науки, то въ какую же именно науку мы его отнесемъ? Если мы отнесемъ его въ какую-либо опредѣленную науку, то, значитъ, у насъ уже есть раздѣленіе науки вообще на ея отдѣлы, т. е. своего рода классификація наукъ, ранѣе, чѣмъ мы приступили къ осуществленію этой задачи научнымъ путемъ. Другими словами, подводя вопросъ о классификаціи наукъ подъ какой-либо разрядъ научныхъ вопросовъ, мы тѣмъ самымъ какъ бы уже признаемъ существованіе той научной классификаціи наукъ, которой ищемъ, а это своего рода petitio principii. Оттого-то большая часть мыслителей разрѣшала данное затрудненіе простымъ выдѣленіемъ вопроса о классификаціи наукъ изъ сферы спеціальныхъ наукъ въ область философіи, которая ставилась особнякомъ и во главѣ всѣхъ наукъ. Но это выдѣленіе только формально рѣшало затрудненіе. Дѣло въ томъ, что тѣ же самые мыслители признавали все-таки и самую философію наукой [1]) и, опредѣляя, такъ или иначе, ея мѣсто въ общей системѣ наукъ, тѣмъ самымъ все-таки предрѣшали ту самую задачу классификаціи наукъ, которую надлежало разрѣшить, — въ числѣ другихъ задачъ, — философіи, какъ наукѣ съ извѣстнымъ содержаніемъ и особыми методами изслѣдованія. Какъ же выйти изъ этого безконечнаго к р у г а понятій? Если признать, какъ это мы сдѣлали въ своихъ прежнихъ трудахъ,

---

[1]) Ср. напр. новѣйшее сочиненіе уже покойнаго профессора Милославскаго: „Объ основахъ философіи, какъ соціальной науки“. Казань, 1883 г.

что философія, какъ сфера общихъ знаній, есть не наука, а высшее отвлеченное искусство (т. е. субъективное творчество) [1]), и затѣмъ допустить, что классификація наукъ есть предметъ этой философіи, то тогда на первый взглядъ покажется, что упомянутый кругъ разорванъ и что задача рѣшена. Но, къ сожалѣнію, при ближайшемъ анализѣ, и эта надежда окажется обманчивой. Во первыхъ, самый вопросъ о томъ, что такое философія, даже и при отрицательномъ рѣшеніи его (въ силу котораго мы признаемъ, что философія не есть наука), есть все-таки вопросъ, относящійся къ области общаго вопроса о томъ, что такое наука и какова должна быть классификація наукъ, а слѣдовательно, относя этотъ общій вопросъ къ философіи и высказываясь объ отношеніяхъ этой послѣдней къ наукѣ, мы опять впали бы въ ту же ошибку, т. е. совершили бы petitio principii. Во вторыхъ, самое отнесеніе вопроса о классификаціи наукъ къ философіи, какъ высшему отвлеченному искусству, было бы произвольно: во 1) это вопросъ въ извѣстномъ смыслѣ спеціальный, разрѣшимый только на почвѣ психологіи и теоріи познанія, во 2), если философія есть субъективное творчество, высшій субъективный синтезъ знаній, то и классификація наукъ, въ предѣлахъ ея, оказалась бы дѣломъ субъективнымъ, условнымъ, а между тѣмъ интеллектуальные инстинкты наши заставляютъ насъ искать классификаціи наукъ— объективной, общеобязательной, и вѣрить въ возможность (хотя бы и отдаленную) осуществленія именно такой общеобязательной, т. е. «научной» классификаціи знаній.

Такимъ образомъ, выдѣленіе вопроса о классификаціи наукъ изъ сферы спеціальныхъ наукъ и отнесеніе его въ область «философіи»,—признаемъ ли мы эту послѣднюю наукой или искусствомъ, — нисколько не разрѣшаетъ упомянутаго выше затрудненія, состоящаго въ томъ, что ближайшее опредѣленіе общаго смысла и задачъ классификаціи наукъ является уже отчасти предрѣшеніемъ этихъ самыхъ задачъ, признаніемъ ихъ, хотя бы уже до извѣстной степени, разрѣшенными. Въ виду этого сообра-

---

[1]) Ср. статьи: „Философія, какъ вѣтвь искусства" (Мысль, 1880, VIII). „Отношеніе философіи къ наукѣ и къ искусству" (Кіевъ, 1883), а также соч. „Къ вопросу о реформѣ логики" (Лейпцигъ, 1882, Введеніе).

женія, возникаетъ поневолѣ вопросъ: не существуетъ ли двухъ видовъ классификаціи наукъ, изъ которыхъ одинъ видъ предшествуетъ другому и дозволяетъ отнести задачу «научной классификаціи наукъ» въ опредѣленный разрядъ спеціальныхъ научныхъ задачъ? Намъ кажется, что именно это предположеніе и является единственно вѣрнымъ и разрѣшающимъ тотъ circulus viciosus, на который мы указали выше. Дѣйствительно: вѣдь, каждая классификація какихъ бы то ни было предметовъ можетъ имѣть и двоякія побудительныя причины и двоякій путь развитія. Побудительныя причины для той или другой классификаціи данныхъ дѣйствительностью предметовъ могутъ быть практическія и теоретическія или, другими словами, 1) связанныя съ условіями дѣятельности человѣка въ отношеніи къ этимъ предметамъ, и 2) связанныя съ условіями его мышленія и познанія, — съ потребностью отдать себѣ отчетъ въ истинной природѣ и внутреннихъ взаимныхъ отношеніяхъ вещей. Сообразно съ этими двумя возможными побудительными причинами каждой классификаціи, есть и два пути для ея осуществленія — одинъ путь чисто эмпирическій, опытный: человѣкъ замѣчаетъ сходства и различія вещей и, сообразно съ этимъ, распредѣляетъ ихъ на классы, руководствуясь чисто внѣшними признаками и потребностями обращенія съ данными предметами. Другой путь—умственный, раціональный: человѣкъ вникаетъ во внутреннія, сокрытыя отъ непосредственнаго наблюденія и выясняющіяся только путемъ эксперимента, свойства предметовъ, изучаетъ ихъ, распредѣляетъ, подводитъ подъ общіе принципы и, выходя изъ этихъ принциповъ, вновь распредѣляетъ предметы, сообразно съ основными и существенными ихъ признаками, руководствуясь при этомъ однѣми лишь потребностями своего ума, своими стремленіями къ знанію [1]). Послѣдняго рода классификація и называется «естественной» въ противоположность первой, — «искуственной», хотя однако и раціональная, научная классификація на первыхъ порахъ, вслѣдствіе недостатка знаній

[1]) Подъ „раціональнымъ" методомъ классификаціи мы разумѣемъ конечно не апріорный, въ старомъ смыслѣ слова, а лишь тотъ методъ, который основанъ на синтезѣ опыта и научнаго мышленія, индукціи и дедукціи. (Ср. „Къ вопросу о реформѣ логики", введеніе, стр. 42—43).

и несовершенства научныхъ пріемовъ, можетъ быть еще отчасти искусственной, т. е., съ точки зрѣнія конечнаго своего идеала,— болѣе или менѣе случайной и неправильной, удовлетворяющей лишь временно и односторонне потребностямъ человѣческой мысли.

Спрашивается теперь, примѣнимо ли это разграниченіе двухъ возможныхъ видовъ классификаціи къ области классификаціи наукъ? Конечно,—да. Въ своемъ внѣшнемъ механизмѣ наука есть особаго рода практическая дѣятельность человѣка. Сообразно съ условіями этой практической дѣятельности, человѣкъ различаетъ разныя сферы объектовъ своего познанія, руководствуясь непосредственно доступнымъ ему наблюденіемъ ихъ сходствъ и различій, а также тѣми средствами и орудіями, которыми онъ располагаетъ при ихъ изученіи. Отсюда и являются разнообразные для каждаго времени разряды спеціальныхъ наукъ и ихъ общая, искусственная, и соотвѣтствующая опять-таки условіямъ времени система, вызванная чисто практическими потребностями жизни,—потребностями изученія природы, въ видахъ подчиненія ея человѣку, и обученія новыхъ поколѣній тому, что уже изучено ранѣе. Съ появленіемъ, этимъ именно путемъ, особой науки о человѣкѣ, и,—въ предѣлахъ ея,—спеціальной науки о познавательныхъ отправленіяхъ человѣка, въ числѣ другихъ научныхъ вопросовъ выдвигается и вопросъ о раціональной и естественной классификаціи знаній,—наукъ, и этотъ вопросъ, по самому происхожденію и характеру своему, поневолѣ попадаетъ въ область уже народившейся «эмпирически» науки о познаніи. Какъ назвать эту науку, какое признать за нею, въ концѣ концовъ, мѣсто въ естественной системѣ знаній,—признать ли ее особымъ цѣлымъ, или только частью другой, болѣе общей науки,—все это вопросы, которые и должна разрѣшить «научная классификація наукъ». Достаточно на первый разъ того, что опытъ убѣдилъ человѣчество въ возможности научнаго изслѣдованія своихъ познавательныхъ отправленій и въ частности тѣхъ отправленій, которыя называются «научными», и что возможность этой рефлексіи науки надъ собственнымъ своимъ содержаніемъ выразилась въ практической, искусственной и временной системѣ знаній,—постановкою въ ряду другихъ наукъ особой науки о познаніи.

Итакъ, задача классификаціи наукъ безъ всякаго противорѣчія можетъ быть признана научною задачею извѣстнаго опредѣленнаго разряда, прежде чѣмъ будетъ приступлено къ ея разрѣшенію. Необходимо признать лишь одно, что первоначальное эмпирическое распредѣленіе наукъ, вполнѣ достаточное для практическихъ цѣлей познанія, слагается по необходимости ранѣе теоретической и строго научной ихъ классификаціи, которая въ концѣ концовъ не можетъ измѣнить количества и качества объектовъ науки и общихъ пріемовъ ихъ изслѣдованія, а можетъ лишь упорядочить эти объекты, измѣнить терминологію наукъ, исправить взгляды на ихъ взаимныя отношенія и зависимости, и тѣмъ самымъ косвенно повліять на спеціальные или частные методы анализа тѣхъ или другихъ объектовъ науки.

Но если такъ, то, стало быть, задача научной классификаціи наукъ состоитъ отнюдь не въ томъ, въ чемъ ставили ее многіе изъ прежнихъ философовъ, а именно въ возможно гармоническомъ распредѣленіи уже существующихъ названій наукъ. Эти названія очевидно возникли случайно, подъ вліяніемъ временныхъ и чисто субъективныхъ условій научной дѣятельности. Тотъ или другой изслѣдователь замѣчалъ возможность анализа новаго разряда явленій, ускользавшаго отъ вниманія его предшественниковъ, начиналъ разбирать эти явленія особыми, имъ придуманными методами, и совокупность результатовъ этого анализа обозначалась имъ самимъ или его преемниками особымъ названіемъ. Этимъ путемъ нарождалась и новая наука, которая извнѣ, чисто механически присоединялась къ совокупности уже существующихъ и по различнымъ, болѣе или менѣе правильнымъ аналогіямъ, включалась въ одинъ изъ главныхъ общихъ разрядовъ знанія, идея которыхъ возникла такимъ же случайнымъ порядкомъ. Такое созданіе системы наукъ, — очевидно совершенно механическое и периферическое, — едва ли можетъ служить критеріемъ для научной классификаціи знаній, которая, по самой идеѣ научнаго единства и цѣльности, ей присущей, должна, наоборотъ, идти отъ центра къ периферіи, отъ извѣстныхъ принциповъ къ ихъ примѣненію въ частностяхъ, и должна вести къ органической системѣ, въ которой всѣ звенья естественно и необхо-

димо примыкали бы другъ къ другу. Пытаться отыскать необходимую органическую связь тамъ, гдѣ de facto дана только случайная, механическая, — не безнадежная ли это задача? Поэтому научная классификація наукъ должна совершенно отвлечься отъ существующихъ случайныхъ наименованій отдѣловъ науки и, если она хочетъ, по примѣру каждой научной классификаціи, идти сначала индуктивнымъ путемъ, — отъ изслѣдованія частныхъ явленій къ установленію общихъ принциповъ, — то такими частными явленіями могутъ быть для нея только разнообразные объекты существующихъ наукъ, а не названія и произвольныя подраздѣленія этихъ послѣднихъ. Другими словами, научная классификація наукъ должна искать своихъ принциповъ въ изслѣдованіи самихъ явленій природы въ ихъ естественной системѣ, а не въ разсмотрѣніи признанныхъ до сего времени категорій наукъ и знаній. А такъ какъ рядомъ съ этимъ наука есть одна изъ разнородныхъ «дѣятельностей» человѣка, регулируемыхъ законами психологическими, то научная классификація наукъ должна быть обоснована далѣе и на принципахъ психологическихъ, — въ частности — тѣхъ, которые относятся къ теоріи познавательныхъ отправленій человѣка. Другими словами, она должна быть результатомъ изслѣдованія различныхъ моментовъ познавательной дѣятельности человѣка въ ихъ связи съ естественною системою объектовъ этой послѣдней. Слѣдовательно, задача классификаціи наукъ есть очевидно задача психологическая, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она разрѣшима только на почвѣ общаго ученія о природѣ, о системѣ явленій природы и ихъ взаимныхъ отношеній, т. е. на почвѣ естествознанія, въ обширномъ значеніи этого слова.

Установивъ такимъ образомъ общее, «научное» значеніе вопроса о классификаціи наукъ, приступимъ къ разсмотрѣнію главныхъ принциповъ, которые могутъ быть извлечены для нея изъ выработанныхъ уже нынѣ ученій психологіи и естествознанія.

II.

Общій принципъ классификаціи наукъ.

Прежде всего наука едина и неразрывна, какъ съ господствующей въ наше время психологической точки зрѣнія, съ которой она представляется однороднымъ и органически связнымъ, по своимъ задачамъ и пріемамъ, видомъ человѣческой дѣятельности, такъ и съ распространенной нынѣ физической или естественно-научной точки зрѣнія, признающей единство и цѣльность всей природы, насколько она является объектомъ «научнаго» познанія. Поэтому, если и можно дѣлить и дробить единую и неразрывную въ своихъ частяхъ науку, то лишь условно, чисто логически, такимъ же способомъ, какимъ мы логически расчленяемъ идею организма, идею сознанія и т. д. Есть разныя части, ткани и органы въ организмѣ, есть разныя явленія и функціи въ сознаніи, но организмъ все-таки представляетъ единство и цѣльность, точно также какъ и сознаніе, — и представить себѣ одну часть организма или одну функцію сознанія безъ соотношенія ко всѣмъ другимъ,—невозможно. Точно также едина и наука: въ наукѣ есть различныя области и различные моменты развитія, и потому содержаніе ея доступно дѣленію и распредѣленію, т. е. классификаціи; но всѣ эти области и фазисы развитія науки, т. е. научнаго познанія цѣльной и единой природы, немыслимы иначе, какъ въ тѣсной связи и зависимости другъ отъ друга.

Этотъ взглядъ на единство и цѣльность науки, хотя и довольно уже распространенный между учеными, все-таки до сихъ поръ отнюдь еще не является общепризнаннымъ. Во-первыхъ, есть еще приверженцы теоріи психологической двойственности познанія или мысли человѣческой, въ силу которой апостеріорное или опытное знаніе рѣзко противуполагается апріорному или «отъ разума». Во-вторыхъ, есть приверженцы и теоріи двойственности природы, какъ объекта познанія, въ силу которой природа «внѣ человѣка» и «человѣкъ», какъ особый элементъ природы, такъ же рѣзко противополагаются одинъ другому,

какъ объекты изученія для науки, — какъ и апостеріорное познаніе апріорному. Но во всякомъ случаѣ эти два рѣзкіе контраста для многихъ современныхъ представителей науки кажутся произвольными. Съ одной стороны, все болѣе и болѣе крѣпнетъ среди нихъ убѣжденіе, что всѣ науки, считавшіяся прежде апріорными,— каковы напр. математика и логика, — на самомъ дѣлѣ апостеріорнаго или опытнаго происхожденія. Съ другой стороны, все болѣе и болѣе распространяется среди ученыхъ убѣжденіе, что между природою и человѣкомъ, какъ объектами научнаго изученія, нельзя признать существованія рѣзкой границы. Конечно, этимъ еще не сказано, что наука разъ навсегда разрѣшила вопросъ о полномъ единствѣ матеріи и духа, какъ предполагаемыхъ основъ всего существующаго. Дѣло не въ этомъ: еслибы эти начала и были признаны даже рѣзко различными другъ отъ друга, то и тогда единство научнаго изслѣдованія не уничтожилось бы, ибо во-1-хъ никѣмъ пока еще не доказано, чтобы «духъ» могъ служить предметомъ научнаго изслѣдованія внѣ матеріальныхъ и вообще «феноменальныхъ» своихъ проявленій, во-2-хъ никѣмъ не доказано, чтобы духъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ противуполагается матеріи, былъ исключительною привиллегіею человѣка, а напротивъ вся современная метафизическая философія отличается тенденціею распространенія идеи духа на всѣ сферы бытія, а тѣмъ паче уже на сферы бытія животно-органическаго.

Слѣдовательно, единство науки, съ точки зрѣнія психологической и естественнонаучной, можетъ быть прямо выведено изъ наиболѣе распространенныхъ нынѣ психологическихъ и физическихъ доктринъ. Идея развитія, столь укоренившаяся въ современномъ естествознаніи, заставляетъ поневолѣ слить науки о человѣкѣ въ одну цѣпь съ науками о природѣ, внѣ человѣка существующей: не только анатомія, физіологія и психологія человѣка многочисленными нитями все крѣпче и крѣпче сплетаются съ анатоміей, физіологией и психологией животныхъ, но и науки о человѣческомъ обществѣ и проявленіяхъ его бытія, т. е. наука объ обществѣ въ тѣсномъ смыслѣ (соціологія), наука о языкѣ филологія), о нравахъ (этика), объ учрежденіяхъ (юридическія науки) и т. д., все тѣснѣе и тѣснѣе связываются сравнитель-

нымъ научнымъ методомъ съ соотвѣтствующими научными изслѣдованіями о соціальной жизни другихъ органическихъ существъ. Въ этомъ смыслѣ всѣ науки, прежде выдѣлявшіяся въ особый разрядъ подъ названіемъ «гуманитарныхъ», стремятся стать науками естественными, науками о явленіяхъ природы, возникшихъ столько же помимо участія человѣческаго сознанія, сколько и при участіи этого послѣдняго, какъ одной изъ созидающихъ силъ той же самой природы.

Но если, такимъ образомъ, людей, протестующихъ противъ слiянія наукъ физическихъ, психологическихъ и соціальныхъ въ одной общей идеѣ наукъ о природѣ или наукъ естественныхъ, становится все меньше и меньше, то нельзя сказать, чтобы въ той же пропорціи возрастало число ученыхъ, согласныхъ подвести и науки математическія, т. е. прежнія «апріорныя», подъ ту же общую идею наукъ о природѣ. А между тѣмъ самые блестящіе математики и естествоиспытатели нашего времени, въ родѣ напр. Гельмгольца и Льюиса, упорно твердятъ объ апостеріорности математическихъ истинъ [1]). Отчего же зависитъ то упорство, какое проявляютъ многіе ученые въ своемъ нежеланіи признать математическія науки за одинъ изъ разрядовъ наукъ о природѣ? Мнѣ кажется, что оно объяснятся болѣе всего тѣмъ, что тезисъ объ апостеріорности математическихъ истинъ доказывается обыкновенно математическими же пріемами, т. е., во-первыхъ, весьма спеціально и, во-вторыхъ, не прямо, а косвенно, и потому недостаточно убѣдительно. Такъ доказываетъ его напр. Гельмгольцъ, выводящій необходимость опытнаго происхожденія аксіомъ Эвклидовой геометріи изъ гипотетическихъ теорій пространства Лобачевскаго и Римана, причемъ общій смыслъ доказательства тотъ, что разъ мы признаемъ возможность для человѣческаго ума мыслить пространство съ положительною и отрицательною кривизною (сферическое и псевдосферическое), то стало быть постановка идеи пространства съ нуль—кривизною въ основу Эвклидовой геометріи и Эвклидовыхъ аксіомъ объясняется не иначе, какъ тѣмъ

---

[1]) Ср. статью Гельмгольца въ его Wissensch. Abhdl. „О происхожденіи геометрическихъ аксіомъ“ и XIV главу I т. „Вопросовъ о жизни и духѣ“ Льюиса подъ заглавіемъ „Математика—эмпирическая наука“.

обстоятельствомъ, что свойства этого пространства, въ которомъ мы существуемъ, извѣстны намъ изъ опыта. Но это косвенное доказательство апостеріорности геометрическихъ аксіомъ не для всѣхъ должно казаться убѣдительнымъ. Дѣло въ томъ, что пространства, сферическое и псевдосферическое, конкретно представлены нами быть не могутъ: это отвлеченные постулаты, возникшіе помощью искусственнаго анализа идеи Эвклидова пространства, — это, слѣдовательно, произведеніе фантазіи и, если предположить, что реально для насъ дано только одно Эвклидово пространство (а это предположеніе вполнѣ законно и его отрицаютъ только метафизики новѣйшей формаціи — спириты), то еще вопросъ, заимствовали ли мы идею о немъ изъ опыта, или она была дана, благодаря нашей умственной организаціи, уже a priori въ нашемъ умѣ.

Не математическимъ, а только психологическимъ путемъ по нашему крайнему разумѣнію, можетъ быть окончательно и вполнѣ наглядно доказано положеніе объ апостеріорности всѣхъ математическихъ истинъ, — и Льюисъ, кажется намъ, гораздо болѣе правъ, когда въ пользу этого положенія приводитъ слѣдующія мысли: «Единичное тѣло, видимое и осязаемое», говоритъ онъ, «даетъ протяженіе и форму, нѣсколько тѣлъ представляютъ множество — число» (стр. 414); «линія и поверхность существуютъ и имѣютъ реальныя свойства точно также, какъ существуютъ и имѣютъ реальныя свойства — планета, кристаллъ, растеніе, животное» (стр. 416). Эти и другія подобныя соображенія его очевидно направлены къ тому, чтобы доказать «психологическій тезисъ» о реальности объектовъ математическихъ понятій — въ той же степени, въ какой реальны объекты другихъ научныхъ понятій. Но онъ идетъ и далѣе: онъ доказываетъ, что и воображаемая идеальность самыхъ математическихъ понятій не составляетъ ихъ исключительной принадлежности: «часто говорятъ», разсуждаетъ онъ, — точка «безъ длины и ширины», линія «безъ ширины» и поверхность «безъ толщины», суть воображаемые предметы, фикціи, что такихъ вещей нѣтъ въ дѣйствительности». «Это справедливо, но можетъ ввести въ заблужденіе. Правда, эти вещи — фикціи, но онѣ имѣютъ реальное существо-

ваніе, хотя и въ изоляціи своей идеальной формы, потому что никакая идея не существуетъ внѣ ума. Эти отвлеченія суть предѣлы конкретовъ. Всякій разъ, смотря на лужу воды, мы видимъ поверхность безъ толщины, всякій разъ, разсматривая разноцвѣтную поверхность, мы видимъ линію безъ ширины, какъ предѣлъ каждаго цвѣта. Дельбефъ справедливо замѣчаетъ, что если можно назвать математику созданіемъ воображенія, то можно было бы съ равною справедливостью сказать Ньютону и Лапласу: ваша небесная механика воображаема, потому что въ природѣ нѣтъ тѣлъ, которыя имѣютъ только тяжесть» (стр. 416, 417). «Мы не находимъ», говоритъ Льюисъ въ другомъ мѣстѣ, «эллиптическихъ орбитъ въ небесномъ сводѣ, наши лабораторіи не представляютъ намъ совершенныхъ газовъ, острова и материки не населены «видами» (стр. 427)». «Наука имѣетъ дѣло съ понятіями, а не съ воспріятіями, съ идеальными, а не съ реальными фигурами. Конечно, она извлекаетъ свой матеріалъ изъ природы, но обрабатываетъ его вновь, согласно съ собственными законами и, создавъ такимъ образомъ микрокосмъ [1]), на половину объективный, на половину субъективный, она способна расширять свои построенія, все болѣе и болѣе усвояя себѣ макрокосмъ» (427). Слѣдовательно, «идеальность» математики не есть ея особенное свойство — это свойство всѣхъ наукъ, на сколько онѣ состоятъ изъ понятій. Что касается до другихъ мнимыхъ особенностей математическихъ аксіомъ, на которыхъ такъ настаивалъ Кантъ, а именно до необходимости и всеобщности ихъ, то Льюисъ справедливо утверждаетъ, что «свойства необходимости и всеобщности принадлежатъ всѣмъ истинамъ вообще и не принадлежатъ ни одной» (стр. 412), ибо эти свойства весьма условны и относительны. Въ теоріи, всѣ научныя положенія всеобщи и необходимы; но de facto, при безконечномъ разнообразіи условій дѣйствительности, эта всеобщность и необходимость ихъ часто не оправдывается. Условность ихъ доказана

[1]) Микрокосмъ и макрокосмъ суть понятія, заимствованныя у средневѣковыхъ мыслителей: микрокосмъ есть міръ въ маломъ видѣ, — какъ онъ является въ умѣ человѣка, т. е. отражается человѣкомъ; макрокосмъ,— наоборотъ,—есть міръ объективный, большой міръ. *Ред.*

впрочемъ специально и для математики теоріею мыслимости «неэвклидовыхъ» пространствъ и «неэвклидовыхъ» аксіомъ, какъ на это указываетъ и Гельмгольцъ.

И такъ, однимъ только психологическимъ методомъ, въ обширномъ смыслѣ слова, т. е. методомъ анализа происхожденія въ умѣ человѣка математическихъ понятій и соотношенія ихъ съ другими научными понятіями, можетъ быть доказанъ тезисъ объ апостеріорности математики. Но этотъ методъ былъ до сихъ поръ еще весьма мало утилизированъ. А между тѣмъ его можно безконечно разнообразить. Прежде всего необходимо было бы разобрать вопросъ о томъ, на сколько дѣйствительный міръ съ неизбѣжностью навязываетъ человѣческому уму знакомство съ объектами и отношеніями ихъ, отъ которыхъ могутъ быть отвлечены всѣ основныя математическія понятія. Такимъ путемъ можно доказать, что первобытный человѣкъ, видя на небѣ звѣзды, въ противоположность солнцу и лунѣ, долженъ былъ неизбѣжно отвлечь и составить себѣ идею точки и идею круга, — что онъ же, видя прямые и кривые стволы деревьевъ и очертанія ихъ вѣтвей, долженъ былъ обобщить въ своемъ умѣ идеи прямой и кривой линіи, а также и идею параллелизма линій, ихъ перпендикулярности, идею угла прямаго, остраго, тупаго и т. д.. — что, видя очертанія холмовъ и горъ, онъ могъ и долженъ былъ составить себѣ идею треугольника, трапеціи и т. д. и т. д. Что онъ всѣ эти формы замѣчалъ и обобщалъ, видно изъ архитектуры его первобытныхъ жилищъ, изъ формы его древнѣйшихъ орудій и орнаментовъ на жилищахъ и одеждѣ, которыя возникли путемъ подражанія формамъ, даннымъ въ природѣ, гораздо ранѣе отвлеченныхъ математическихъ аксіомъ и математики, какъ науки. Тотъ же психологическій методъ могъ бы быть приложенъ въ новой формѣ, если бы мы прослѣдили процессъ дѣйствительнаго развитія научныхъ идей у различныхъ народовъ и убѣдились бы этимъ путемъ въ томъ, что математическія идеи развились позже нѣкоторыхъ астрономическихъ и физическихъ и что математика, какъ наука, есть родная дочь конкретной и уже очевидно опытной науки, астрономіи. Наконецъ, упомянутый психологическій методъ могъ бы быть примѣненъ и

еще иначе — къ анализу происхожденія названій отвлеченныхъ математическихъ идей — и тогда несомнѣнно оказалось бы напр., что всѣ геометрическія названія точки, черты (линіи), плоскости и т. д. у всѣхъ народовъ чисто конкретнаго и сравнительно довольно поздняго происхожденія, что доказывается и ихъ различіемъ у народовъ одной семьи. Не наводитъ ли одинъ этотъ фактъ на мысль, что геометрическія и вообще математическія идеи суть обобщенія и отвлеченія изъ опыта, — что названія ихъ придумывались по аналогіи ихъ содержанія съ нѣкоторыми предметами и явленіями видимаго міра, т. е. согласно законамъ ассоціаціи (по внутренней смежности или сходству)? Не даромъ еще Гаусъ называлъ геометрію «наукой глаза».

Я не предполагаю впрочемъ въ настоящемъ очеркѣ выполнить всю изложенную программу психологическаго разбора происхожденія математическихъ идей. Эту сложную и спеціальную задачу я откладываю до другаго времени. Мнѣ хотѣлось только объяснить несовершенствомъ прилагавшихся до сихъ поръ пріемовъ доказательства тотъ любопытный фактъ, что, не смотря на сильное расположеніе большинства современныхъ мыслителей къ признанію апостеріорности математическихъ положеній, эта истина все-таки еще не сдѣлалась всеобщимъ достояніемъ, и связанное съ нею положеніе о принадлежности математики къ области единой и единственно возможной науки о природѣ для большинства кажется еще дикимъ и страннымъ. А, между тѣмъ, развѣ формы, величины, числовыя отношенія, протяженіе, пространство и другія идеи математики не имѣютъ себѣ прототипа въ свойствахъ и отношеніяхъ вещей и явленій, составляющихъ природу? Къ чему же эти идеи относятся въ такомъ случаѣ, если не къ природѣ и ея элементамъ? Вообще задача состоитъ въ сущности не въ томъ, чтобы непосредственно доказать апостеріорность математическихъ положеній, называемыхъ «аксіомами». Эти положенія составляютъ лишь логическое раскрытіе уже образовавшихся въ человѣческомъ умѣ математическихъ понятій. Вопросъ весь въ томъ, какъ образовались эти понятія и если они образовались a posteriori, отвлеченіемъ изъ опыта, какъ это до-

казываетъ Льюисъ, то само собою понятно, что и аксіомы, раскрывающія ихъ содержаніе, имѣютъ свое основаніе въ опытѣ.

Но sapienti sat. Если мы не доказали во всей полнотѣ, то по край мѣрѣ достаточно мотивировали высказанный нами выше общій принципъ о единствѣ и однородности науки, который мы лично признаемъ краеугольнымъ камнемъ всякой классификаціи наукъ.

III.

Спеціальные принципы классификаціи наукъ.

Теперь отъ общаго принципа перейдемъ къ разсмотрѣнію нѣкоторыхъ спеціальныхъ. Эти послѣдніе, какъ мы уже можемъ заключать изъ прежде сказаннаго, должны быть двоякаго рода, а именно физическими и психологическими [1]). Наука должна расчленяться, во-первыхъ, сообразно своему объективному содержанію, т. е. сообразно со свойствами и отношеніями предметовъ, ею изслѣдуемыхъ, и, во-вторыхъ, сообразно своему внутреннему строенію, т. е. сообразно психологическимъ моментамъ научнаго анализа, направленнаго на объекты одного и того же порядка. Эти два расчлененія научнаго организма должны очевидно тѣсно переплетаться другъ съ другомъ, потому что, въ силу признаннаго нами выше принципа единства и однородности науки, — какъ съ точки зрѣнія ея общаго объекта, — природы, такъ и съ точки зрѣнія субъекта, — тѣ же психологическіе моменты изслѣдованія должны повторяться во всѣхъ сферахъ научнаго познанія, на какіе бы объекты оно ни было направлено, и точно также вездѣ, гдѣ есть познавательная дѣятельность, къ какому бы моменту она ни принадлежала, тамъ должны быть и объекты для нея, соотвѣтствующіе всѣмъ звеньямъ той общей цѣпи, которая называется природою. Слѣдовательно, внѣшняя и внутренняя, экстроспективная и интроспективная (по ста-

---

[1]) Объ этомъ контрастѣ методологическихъ понятій, отнюдь не нарушающихъ идею единства науки, мы скажемъ въ свое время, въ главѣ VI-й.

рой терминологіи «объективная» и «субъективная») точки зрѣнія въ расчлененіи науки должны постоянно идти рука объ руку. Это, если хотите, второй общій принципъ для классификаціи наукъ, выведенный изъ анализа связи и отношенія принциповъ спеціальныхъ. Про него тоже можно сказать, къ сожалѣнію, что онъ до сихъ поръ недостаточно ясно сознавался. По крайней мѣрѣ, какъ въ древнѣйшихъ, такъ и въ новѣйшихъ опытахъ классификаціи наукъ мы встрѣчаемъ преобладаніе одного изъ упомянутыхъ двухъ принциповъ.

О древнѣйшихъ опытахъ классификаціи наукъ почти не стоитъ и упоминать: до Бэкона всецѣло господствовалъ внѣшній, физическій пріемъ классификаціи знаній — по объектамъ изученія, но и то пріемъ не научный, а чисто эмпирическій. Классическое дѣленіе знаній на логическія, физическія и этическія, принятое почти всѣми древними писателями, начиная съ Аристотеля[1]) (Платонъ и его ученики различали этику, физику и діалектику), конечно не выдерживаетъ ни малѣйшей научной критики. Психологическая точка зрѣнія проглядываетъ развѣ только у Аристотеля же — въ разграниченіи «первой» философіи (отвлеченная наука) отъ «второй» (конкретная наука); но и это разграниченіе еще весьма непосредственно и строго психологически не мотивируется. Въ средніе вѣка понятія науки и искусства съ одной стороны (ср. artes liberales въ школахъ схоластическихъ и сочин. Людовика Вивсеа въ XVI в.: de causis corruptarum artium), — понятія науки, философіи и религіи, съ другой, до того перепутываются и сплетаются, что искать у схоластическихъ мудрецовъ какой-либо сознательной классификаціи наукъ было бы смѣшно. Бэконъ, въ началѣ XVII в., первый пытается поставить въ основу классификаціи знаній психологическую, — но къ сожалѣнію весьма еще первобытную и несовершенную — точку

---

[1]) У Аристотеля есть впрочемъ (въ метафизикѣ) и другое, тоже „объективное" дѣленіе знаній на теоретическія и практическія, причемъ къ первымъ отнесены физика, математика и теологика, ко вторымъ—политика, экономика и этика.

зрѣнія, различая знанія по способностямъ человѣческаго ума (памяти соотвѣтствуетъ исторія, воображенію — поэзія, разуму — философія, которая дѣлится уже по различію объектовъ на теологію — объектъ Богъ, математику и естественную философію — объектъ природа, и метафизику — объектъ человѣкъ, причемъ въ свою очередь и исторія, по тому же принципу, дѣлится на естественную, гражданскую и т. д.). Всѣ подобныя распредѣленія знаній, господствовавшія въ XVII и первой половинѣ XVIII в., обнаруживающія, если не прямо, то косвенно, продолжающуюся недостаточную дифференціацію понятія науки отъ понятій искусства и философіи, едва ли имѣютъ какую-либо научную цѣну. Даже у французскихъ энциклопедистовъ конца XVIII в. эти понятія еще смѣшиваются [1]).

Такъ, въ энциклопедическомъ словарѣ Дидеро и Даламбера мы находимъ, подъ словомъ наука, слѣдующее странное изреченіе: «наука дѣлится на четыре вѣтви, а именно на разсудокъ (intelligence), разумъ (la sagesse), благоразуміе (la prudence) и искусство (l'art)», а затѣмъ авторъ той же статьи различаетъ философію природы и философію человѣка, причемъ дѣлитъ первую на математику, физику, біологію, вторую на логику и нравственную философію. Кантъ, въ своей «Критикѣ чистаго разума», различаетъ три главные отдѣла знаній: математику, естественныя науки и метафизику, очевидно выходя при этомъ изъ практическаго, ненаучнаго расчлененія знаній, господствовавшаго въ его эпоху.

Въ началѣ нынѣшняго вѣка уже встрѣчаются спеціальныя монографіи по вопросу о классификаціи наукъ и искусствъ, каковы напр. книжка Якоба (Энциклопедія всѣхъ наукъ и искусствъ. Галле, 1810 г.) и книжка Круга (Опытъ новаго дѣленія наукъ. 1805). Но эти писатели отчасти примыкаютъ къ предшествующимъ, напр. Якобъ принимаетъ принципъ Вольфа, въ силу котораго всѣ знанія дѣлятся прежде всего на эмпирическія и раціональныя, отчасти же принимаютъ въ основу дѣленія наукъ прин-

---

[1]) Это смѣшеніе понятій обнаруживается и въ объективныхъ классификаціяхъ знаній въ XVIII в., имѣющихъ связь съ дѣленіями науки и философіи у древнихъ (ср. напр. дѣленіе Вольфа).

ципы странные и фантастическіе; такъ напр. Кругъ дѣлитъ науки на свободныя, связанныя (богословскія и юридическія!) и смѣшанныя (камеральныя науки и медицина).

Бэнъ въ своей логикѣ (I, 230) приводитъ еще дѣленіе наукъ въ Encyclopädia metropolitana, издававшейся съ 1815 г. Тамъ науки дѣлятся на чистыя, смѣшанныя и прикладныя; первыя—на формальныя и реальныя, послѣднія—на экспериментальную философію, искусства (высшія и полезныя) и естественную исторію (съ медициной), причемъ и все дальнѣйшее распредѣленіе названій наукъ по классамъ представляетъ совершенный произволъ и невообразимую путаницу.

Въ 1828 г. д-ръ Арнóттъ въ своемъ сочиненіи по физикѣ (какъ мы узнаемъ опять изъ Логики Бэна) дѣлитъ всѣ науки на четыре отдѣла: физику, химію, науку о жизни и науку о духѣ. Математика разсматривается, какъ введеніе къ этимъ наукамъ. Въ другомъ сочиненіи Арнóттъ различаетъ конкретныя и отвлеченныя знанія и рѣзко противуполагаетъ науки искусствамъ. Такимъ образомъ, у этого писателя есть признаки сознанія противуположности двухъ спеціальныхъ принциповъ расчлененія знаній: объективнаго и «субъективнаго» (интроспективнаго); но онъ не объединяетъ ихъ и прилагаетъ каждый изъ нихъ еще весьма поверхностно, касаясь вообще вопроса о классификаціи знаній лишь мимоходомъ. Тѣмъ не менѣе и по времени, и по взглядамъ онъ является ближайшимъ предшественникомъ Огюста Конта.

Контъ далъ въ сущности первый опытъ вполнѣ сознательной и научной классификаціи знаній. Если взять его классификацію наукъ и присоединить къ ней еще Спенсеровскую классификацію, то мы будемъ имѣть все, что наука дала до сихъ поръ цѣннаго и серьознаго въ данной области [1]), такъ какъ всѣ другіе опыты классификаціи наукъ, послѣ появленія курса философіи Конта, или возвращаются къ прежнимъ ненаучнымъ принципамъ, или же представляютъ нѣкоторую переработку и видоизмѣненіе упомя-

---

[1]) Конечно, если разумѣть построеніе цѣлыхъ системъ, а не отдѣльныя и болѣе спеціальныя расчлененія.

нутыхъ двухъ классическихъ системъ, нарушающую большею частью ихъ основные принципы. Къ первому разряду принадлежитъ классификація наукъ физика Ампера, издавшаго въ 1838 г. въ двухъ томахъ «Опытъ о философіи наукъ». Онъ дѣлитъ опять науки по старому на космологическія (науки о мірѣ) и ноологическія (науки объ умѣ) и, распредѣляя оба главные отдѣла наукъ на спеціальные отдѣлы и подъотдѣлы, получаетъ въ концѣ концовъ до 170 названій отдѣльныхъ наукъ, частью соотвѣтствующія общепринятымъ, частью выдуманныя имъ самимъ для соблюденія симметріи. Основная его задача впрочемъ очевидно состоитъ въ гармоническомъ размѣщеніи уже существующихъ названій наукъ и, при ближайшемъ разсмотрѣніи, вся его система поражаетъ искуственностью и произвольностью. Въ новѣйшее время тѣ же устарѣвшіе пріемы классификаціи наукъ еще господствуютъ въ Германіи. Такъ Дюрингъ въ своей логикѣ (1878) по старому ставитъ во главѣ наукъ логику и математику, вторымъ большимъ классомъ признаетъ естественныя науки, третьимъ — науки о человѣкѣ и его произведеніяхъ [1]). Новаго въ его классификаціи только то, что онъ старается объединить старые,—формальный и реальный,—принципы расчлененія всѣхъ наукъ, доказывая, что и математика съ логикой имѣютъ не только формальное, но и вещественное, предметное значеніе (sind sachlich und gegenständlich), но не потому, что ихъ непосредственные объекты извлечены изъ предметнаго міра, а потому, наоборотъ, что вся дѣятельность природы подчинена извѣстнымъ логическимъ и математическимъ законамъ, причемъ ему поневолѣ приходится придумывать всякія ухищренія и дѣлать всякія натяжки, чтобы доказать, что есть на самомъ дѣлѣ какая-то «логика природы» (Naturlogik) [2]).

[1]) Почти такое же дѣленіе наукъ на математику, естественныя науки и науки о духѣ (Geisteswissenschaften) принимаетъ и Вундтъ въ своей логикѣ; II т. 1883. Ср. у него же противуположеніе „естественныхъ“ и „гуманитарныхъ“ наукъ въ „Основ. физіологической психологіи“. Введ., стр. 4.

[2]) Ср. его Logik u. Wissenschaftslehre, IV Abschn. I cap., особ. стр. 243—246. Вмѣсто того, чтобы доказывать напр., что законы природы осуществляются и въ законахъ мысли, Дюрингъ старается убѣдить читателя, что законы мысли осуществляются и въ законахъ природы.

Какъ сквозитъ въ этихъ разсужденіяхъ соотечественникъ и преемникъ Гегеля и вообще нѣмецкихъ идеалистовъ-мистиковъ!

Къ числу писателей, передѣлывающихъ по своему классификаціи наукъ Конта и Спенсера, принадлежитъ напр. самъ Бэнъ. Онъ выходитъ изъ Спенсеровскаго разграниченія конкретныхъ и абстрактныхъ наукъ, вполнѣ законно исправляетъ нѣкоторыя произвольныя распредѣленія понятій, ярко бросающіяся въ глаза въ классификаціи Спенсера (объ этомъ ниже), далѣе фактически принимаетъ во вниманіе распорядокъ наукъ у Ог. Конта, но, не изслѣдуя самостоятельно принциповъ научной классификаціи знаній и не пытаясь органически связать другъ съ другомъ принципы объективный и «субъективный», приходитъ въ концѣ концовъ всетаки къ одному лишь «распорядку уже существующихъ названій наукъ», въ законности которыхъ онъ ни на минуту не сомнѣвается (ср. его логику, I, стр. 232—241). И таковы всѣ новѣйшія попытки исправленія и согласованія классификацій Конта и Спенсера.

Между тѣмъ согласить ихъ внѣшнимъ образомъ невозможно, ибо ихъ исходныя начала діаметрально противоположны. Мы уже высказали выше положеніе, что у всѣхъ мыслителей до сихъ поръ преобладаетъ или объективный, физическій, или такъ называемый субъективный, психологическій критерій расчлененія науки на составныя ея части. Это положеніе вѣрно и по отношенію къ двумъ упомянутымъ мыслителямъ. У Конта преобладаетъ первый критерій, внѣшній, у Спенсера—второй, внутренній, и никакого сознательнаго стремленія къ соглашенію того и другого мы ни у одного изъ нихъ не находимъ.

Что Контъ, отрицавшій психологію и интроспективный методъ познанія, поставилъ въ основу своей классификаціи наукъ главнымъ образомъ принципы объективные, еще понятно. Онъ, правда, указалъ на чисто психологическое различіе конкретныхъ и абстрактныхъ знаній, но, вѣроятно изъ пренебреженія къ психологическимъ разграниченіямъ понятій вообще, не развилъ этой стороны своего ученія и фактически, въ осуществленіи своей классификаціи наукъ, игнорировалъ упомянутое различіе, признавая за нимъ очевидно второстепенное значеніе (ср. его tableau synoptique въ I т. курса, p. 7). Но какимъ образомъ эволюціонистъ и поклонникъ естествен-

но-научнаго метода, Спенсеръ, не поставилъ въ основу всей своей классификаціи наукъ объективнаго принципа, принципа эволюціи, столь имъ излюбленнаго, — это для насъ весьма мало понятно. Вѣроятно, усмотрѣнный имъ психологическій принципъ на столько ослѣпилъ его, что онъ уже не способенъ былъ видѣть его односторонность. Или, изъ соперничества съ Контомъ, онъ не хотѣлъ признать геніальности основной идеи его классификаціи (идеи іерархіи наукъ) и положить ее въ основу своей классификаціи [1]). Во всякомъ случаѣ, вслѣдствіе упомянутыхъ только что обстоятельствъ, классификація Конта, хотя и геніальная по замыслу, оказывается недостаточной и односторонней, а классификація Спенсера не только односторонней, но и невѣрной и совершенно неудовлетворительной въ самыхъ началахъ своихъ. Впрочемъ надо прибавить и то, что оба писателя тоже слишкомъ увлеклись существующею системою названій наукъ и, не подвергнувъ ее достаточной критикѣ, часто были рабами господствующей терминологіи. Приступая къ критикѣ, исправленію и объединенію того, что̀ есть цѣннаго въ классификаціяхъ наукъ Конта и Спенсера, повторимъ еще разъ, что по нашему мнѣнію естественная классификація наукъ должна совершенно эмансипироваться отъ существующей, большею частью случайной, терминологіи, и что она должна имѣть задачею достиженіе единства и органической связи въ приложеніи двухъ спеціальныхъ принциповъ расчлененія научной дѣятельности: внѣшняго, состоящаго въ признаніи соотношенія между отдѣлами знаній и классами изучаемыхъ наукою явленій природы, съ точки зрѣнія идеи развитія, и внутренняго, психологическаго, состоящаго въ признаніи извѣстныхъ моментовъ развитія самихъ научныхъ идей, въ связи съ законами и процессами познавательной дѣятельности человѣка.

---

[1]) Онъ воспользовался, правда, этой идеей, но только при спеціальномъ изысканіи соотношеній наукъ одной группы, а именно конкретныхъ (ср. его „Основанія психологіи“, I, § 55).

IV.

Критика классификацій наукъ Конта и Спенсера.

У Конта, какъ мы уже сказали, наиболѣе цѣнною является мысль объ іерархіи наукъ. Контъ первый совершенно справедливо указываетъ на то, что «главная задача каждой энциклопедической работы состоитъ въ томъ, чтобы расположить науки въ порядкѣ ихъ естественнаго сплетенія (enchaînement), слѣдуя ихъ взаимной зависимости другъ отъ друга» (Cours, I, 60). Онъ сознаетъ, что старое расчлененіе наукъ, сообразно различнымъ качествамъ объектовъ, представляется недостаточнымъ, что критерій качества объектовъ слишкомъ относительный, что объекты, изучаемые наукою, находятся въ тѣсной органической связи другъ съ другомъ и что, сообразно съ этимъ, и науки составляютъ неразрывную цѣпь знаній, другъ отъ друга зависимыхъ. Отсюда мысль о ихъ генетической связи, о неправильности простаго, такъ сказать, линейнаго или исключительно «экстенсивнаго» принципа ихъ разграниченія и о необходимости открытія ихъ естественной іерархіи, согласно съ ихъ интенсивными различіями. По какой принципъ избрать для открытія послѣдовательныхъ звеньевъ восходящей лѣстницы наукъ?

Признавая соотношеніе между взаимною зависимостью наукъ и взаимною зависимостью ихъ объектовъ, Контъ, конечно долженъ былъ искать такого принципа или критерія въ природѣ объектовъ. Но для открытія законной послѣдовательности и связи объектовъ, въ природѣ, въ его время еще не существовало правильной руководящей точки зрѣнія. Идея ступенеобразнаго развитія природы, правда, уже созрѣвала въ умахъ лучшихъ мыслителей и въ томъ числѣ она носилась и въ умѣ Конта, но естествознаніе еще не освятило эту идею своимъ авторитетомъ, не формулировало ее ясно системою законовъ и не поставило ее на почву конкретныхъ фактовъ и наблюденій. Поэтому Конту, который самъ не былъ въ достаточной мѣрѣ естествоиспытателемъ, чтобы предвосхитить идеи Дарвина, оставалось лишь одно: искать для рас-

порядка явленій и предметовъ природы, какъ объектовъ науки, какого-либо внѣшняго, второстепеннаго критерія. Его-то онъ и находитъ въ признакахъ различной степени простоты и общности феноменовъ природы, составляющихъ предметъ изученія науки. Но изъ его же собственныхъ словъ явствуетъ, что этотъ критерій отчасти субъективенъ и по тому самому, до извѣстной степени, относителенъ, ибо Контъ отождествляетъ его тутъ же съ критеріемъ «большей или меньшей степени легкости изученія» упомянутыхъ феноменовъ. Да и въ самомъ дѣлѣ: откуда мы можемъ знать о сравнительной простотѣ и общности явленій, когда мы не въ состояніи вывести этихъ признаковъ изъ общей идеи ихъ послѣдовательнаго развитія,—какъ не изъ степени легкости ихъ изученія? А между тѣмъ этотъ субъективный критерій, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, можетъ ввести насъ въ заблужденіе, ибо, при неравномѣрности условій первоначальнаго ознакомленія нашего съ различными группами явленій природы, можетъ случиться, что болѣе сложныя и частныя явленія покажутся намъ болѣе понятными и легкими для изученія, чѣмъ болѣе простыя и общія. Не даромъ же изученіе познавательныхъ отправленій и законовъ мысли въ свое время считалось наиболѣе легкимъ и наименѣе нуждающимся въ какихъ-либо подготовительныхъ знаніяхъ, что и заставляло признавать логику простѣйшею и первою по порядку изученія наукою. Если поэтому Контъ, не смотря на относительность и внутреннюю субъективность своего принципа, тѣмъ не менѣе установилъ такую іерархію наукъ, которая и въ настоящее время не утратила вполнѣ своей цѣны и требуетъ только частныхъ исправленій, а не коренной передѣлки, то это надо приписать тому обстоятельству, что на дѣлѣ онъ руководствовался въ установленіи своей системы наукъ вовсе не упомянутымъ выше наружнымъ критеріемъ, который онъ приклеилъ къ ней извнѣ, только чтобы дать ей приличную логическую санкцію, а внутреннимъ, хотя и инстинктивно сознаваемымъ имъ, критеріемъ ступенеобразнаго развитія природы. Это доказывается тѣмъ, что на ближайшей затѣмъ страницѣ онъ прямо переходитъ къ противоположенію двухъ большихъ классовъ наукъ: о «неорганическихъ» и объ «органическихъ» тѣлахъ—контрастъ

понятій, который, конечно, не можетъ быть всецѣло оправданъ критеріемъ относительной простоты и всеобщности явленій. Если бы Контъ остался вѣренъ этому послѣднему критерію, то ему пришлось бы, прежде чѣмъ дать означенную систему объектовъ и соотвѣтствующихъ имъ наукъ, изслѣдовать подробно и кропотливо всѣ классы феноменовъ природы съ точки зрѣнія простоты и всеобщности ихъ признаковъ; но это ему и въ голову не приходитъ.

Такимъ образомъ, сознательно Контъ беретъ для установленія іерархіи явленій природы и соотвѣтствующей іерархіи наукъ чисто наружный и второстепенный, хотя и вѣрный (въ томъ случаѣ, если онъ не искажается субъективными внушеніями) критерій,—безсознательно же онъ все таки руководствуется единственно правильнымъ, но еще не созрѣвшимъ въ наукѣ въ его время объективнымъ критеріемъ ступенеобразнаго развитія природы. Конечно, въ силу такого безсознательнаго и инстинктивнаго примѣненія принципа развитія, іерархія наукъ у Конта не можетъ быть совершенною. Различая сперва науки о тѣлахъ неорганическихъ (corps brutes) и науки о тѣлахъ органическихъ (corps organisés), онъ уже не находитъ вполнѣ естественныхъ объективныхъ основаній для дальнѣйшаго разчлененія каждой главной группы наукъ по тому же принципу и руководствуется далѣе существующей терминологіей наукъ, данною степенью ихъ развитія и господствующими воззрѣніями на ихъ характеръ и отношенія. Вслѣдствіе этого, расчленяя науку о неорганическихъ тѣлахъ на астрономію, физику и химію, онъ безъ достаточнаго основанія ставитъ химію послѣ физики, т. е. выше ея въ общей іерархіи, какъ будто-бы явленія, изучаемыя химіей, были дѣйствительно сложнѣе и специальнѣе явленій, изучаемыхъ физикой, или, говоря новѣйшимъ языкомъ, были болѣе поздняго происхожденія въ развитіи природы, чѣмъ эти послѣднія, и были отъ нихъ въ прямой зависимости. Эта мысль не выдерживаетъ въ настоящее время критики, ибо химическія и физическія явленія, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, такъ тѣсно переплетены другъ съ другомъ, что отыскать точную грань между тѣми и другими едва ли возможно. Далѣе, разчленяя науку объ организованныхъ тѣлахъ на физіологію и соціальную физику, Контъ, какъ извѣстно, подъ влія-

ніемъ чистѣйшаго предразсудка, выпустилъ промежуточное звено «физики индивидуума» или психологіи, которая, какъ достаточно доказано въ настоящее время, не можетъ быть слита съ наукой объ организмѣ, въ тѣсномъ смыслѣ слова, ибо обладаетъ особымъ дополнительнымъ интроспективнымъ методомъ изученія своихъ объектовъ, — тѣмъ самымъ методомъ, которымъ пользовался и Контъ въ упомянутомъ выше разграниченіи конкретныхъ и абстрактныхъ знаній и идей (интересно было бы знать, какой физіологическій методъ, по Конту, могъ бы намъ открыть этотъ контрастъ!).

Наконецъ, признавая математику отчасти отдѣломъ «естественной философіи» (partie constituante de la philosophie naturelle), Контъ все-таки не рѣшается сдѣлать окончательнаго шага къ сліянію ея съ другими науками о природѣ и, отдавая дань традиціонному воззрѣнію на математику, какъ на науку особаго разряда, науку инструментальную по преимуществу, онъ ставитъ ее въ особую группу во главѣ наукъ и о неорганическихъ, и объ органическихъ явленіяхъ, неправильно разрывая и ея естественную связь съ астрономіей, о которой (связи) мы уже выше говорили.

О дальнѣйшемъ подраздѣленіи каждой изъ шести фундаментальныхъ наукъ у Конта и говорить особо нѣтъ надобности. Въ этомъ подраздѣленіи онъ еще болѣе измѣняетъ своему принципу іерархіи и еще болѣе ставитъ себя въ зависимость отъ существующихъ наименованій наукъ и даннаго въ его эпоху состава и развитія ихъ. Никакой общей связующей идеи въ этихъ дальнѣйшихъ дѣленіяхъ наукъ не можетъ быть обнаружено.

Изъ всего сказаннаго очевидно, что для современной классификаціи наукъ у Конта можетъ быть взятъ только общій принципъ іерархіи знаній, да и то онъ долженъ быть болѣе глубоко обоснованъ помощью возникшей, уже послѣ выхода въ свѣтъ «Курса» Конта, теоріи развитія. Фактическое же распредѣленіе наукъ у Конта можетъ быть только съ пользою принято въ соображеніе, какъ безсознательное примѣненіе, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, этого самаго принципа развитія, давшее въ результатѣ въ извѣстныхъ случаяхъ довольно правильное размѣщеніе отдѣловъ знанія,

ибо что можно возразить напр. и съ современной научной точки зрѣнія противъ постановки математики и астрономіи ниже физики и химіи, послѣднихъ ниже физіологіи, а физіологіи ниже соціальной физики въ общей лѣстницѣ наукъ?

Прежде чѣмъ попытаться, сообразно указаннымъ выводамъ, исправить іерархію наукъ Конта, перейдемъ къ критикѣ классификаціи Спенсера, въ которой мы можемъ видѣть примѣненіе второго основного принципа для научнаго разъясненія содержанія науки — принципа психологическаго.

Спенсеръ, для развитія этого психологическаго принципа, сдѣлалъ, однако, гораздо меньше, чѣмъ Контъ для развитія принципа физическаго, объективнаго. Дѣло въ томъ, что противуположеніе конкретныхъ и абстрактныхъ знаній установлено было еще задолго до Спенсера, и самъ Контъ, какъ мы сказали, на немъ настаиваетъ (Cours, I, стр. 56 и слѣд.). У Спенсера вполнѣ оригинальными является только: 1) мысль опредѣлить значеніе каждой отдѣльной науки съ точки зрѣнія степени конкретности и абстрактности ея идей, и затѣмъ 2) признаніе переходныхъ стадій между абстрактными и конкретными науками, которыя Спенсеръ выражаетъ въ идеѣ абстрактно-конкретныхъ наукъ. Къ сожалѣнію, дѣйствительное примѣненіе этихъ новыхъ идей въ классификаціи Спенсера заставляетъ желать очень многаго.

Спенсеръ въ своей классификаціи старается наглядно разъяснить значеніе, въ которомъ онъ беретъ понятія абстрактнаго и конкретнаго, и различіе своихъ толкованій этихъ понятій отъ тѣхъ, которыя даютъ имъ его предшественники, — въ томъ числѣ и Контъ. Онъ доказываетъ, что Контъ смѣшиваетъ понятія «абстрактнаго» и «общаго» (abstrait et général), конкретнаго» и «частнаго». По его же убѣжденію абстрактное и общее различныя другъ отъ друга концепціи. Общее можетъ быть и конкретно, ибо оно доступно непосредственному воспріятію въ отдѣльныхъ явленіяхъ, абстрактное же есть только продуктъ мысли и объектъ ея созерцанія, а не чувственнаго воспріятія. Въ этомъ психологическомъ разграниченіи конечно много истиннаго, хотя у Спенсера оно изложено довольно туманно и основано на чисто логическихъ соображеніяхъ, а не на психологическомъ анализѣ познавательныхъ

процессовъ. Поэтому онъ и прибѣгаетъ въ концѣ концовъ къ случайнымъ примѣрамъ, чтобы нагляднѣе иллюстрировать свое положеніе[1]). По психологической теоріи, изложенной нами въ соч. «Къ вопросу о реформѣ логики», дѣло въ данномъ случаѣ сводится просто къ различію конкретныхъ и отвлеченныхъ понятій и къ соотвѣтствующему различію тѣхъ дѣйствій ума, которыя называются обобщеніемъ и отвлеченіемъ, т. е. непроизвольнымъ и произвольнымъ (естественнымъ и искусственнымъ) подборомъ признаковъ явленій. Но, если правъ Спенсеръ, различая конкретныя и отвлеченныя понятія, то правъ и Контъ, разумѣющій въ своемъ контрастѣ конкретнаго и абстрактнаго столь же реальное различіе представленій отъ понятій—вообще столько же конкретныхъ, сколько и абстрактныхъ). Можно только возражать противъ его терминологіи, хотя впрочемъ понятія «конкретнаго» и «отвлеченнаго» весьма относительны: конкретныя понятія можно назвать въ свою очередь «отвлеченными представленіями» ибо между непроизвольными и произвольными дѣйствіями ума нѣтъ рѣзкой и совершенно ясной границы. Сознательныя дѣйствія ума, въ противуположность безсознательнымъ, служатъ именно зародышемъ дѣйствій произвольныхъ и, съ точки зрѣнія развитія, всѣ смежныя явленія въ природѣ вообще такъ тѣсно переплетаются, другъ съ другомъ что всѣ наименованія, которыми отмѣчаются ихъ различія, крайне относительны. Между тѣмъ Спенсеръ, опровергая Конта, стоитъ на совершенно абсолютной точкѣ зрѣнія, точно понятіе «абстрактнаго» отлито самою природою въ строго опредѣленную и неизмѣнную форму, не допускающую двоякаго истолкованія. Этотъ «абсолютизмъ» Спенсера, какъ мы ниже увидимъ, вполнѣ ясно обнаруживается и въ самой его классификаціи наукъ.

Далѣе Спенсеръ еще и въ томъ находитъ различіе своей точки зрѣнія отъ точки зрѣнія Конта, что Контъ признавалъ контрастъ конкретнаго и абстрактнаго содержанія въ каждой наукѣ (есть математика конкретная и абстрактная, біологія конкретная и абстрактная, и т. д.), онъ же, Спенсеръ—считаетъ однѣ науки вполнѣ конкретными, другія вполнѣ абстрактными. Но и это разли-

---

[1]) См. Classific. des sciences (пер. Réthoré), 2 éd, стр. 6 и слѣд.

чіе точекъ зрѣнія не столь существенно, какъ думаетъ Спенсеръ. Дѣло идетъ больше о словахъ, ибо что разумѣть подъ отдѣльною наукою? Съ нашей точки зрѣнія вообще признаніе различія наукъ конкретныхъ и абстрактныхъ есть уже расчлененіе содержанія одной и той же, единой и цѣльной науки на конкретное и абстрактное, а если возможно таковое по отношенію къ цѣлой наукѣ, то почему бы оно не было возможно по отношенію къ ея главнымъ отдѣламъ? Слѣдовательно, Контъ, съ точки зрѣнія самого же Спенсера, правъ, различая конкретное и абстрактное содержаніе въ одной и той же наукѣ. Если же Спенсеръ хочетъ сказать, что конкретные отдѣлы науки можно обозначить особыми названіями спеціальныхъ наукъ, абстрактные опять особыми, то онъ конечно правъ; но едва ли и Контъ могъ отрицать такую возможность.

Итакъ, въ изложенномъ только что разногласіи оба писателя были бы правы, если бы только Спенсеръ, запутавшись въ своемъ особомъ и абсолютномъ истолкованіи понятія «абстрактнаго», не пришелъ въ концѣ концовъ къ такому размѣщенію наукъ въ предѣлахъ понятій «конкретныхъ» и «абстрактныхъ» знаній, которое уже прямо является нелѣпымъ и ошибочнымъ. Онъ считаетъ математику и логику исключительно абстрактными науками,— механику, физику, химію и т. д. абстрактно-конкретными,—астрономію, геологію, біологію, соціологію и пр. исключительно конкретными,— и, съ точки зрѣнія зависимости однѣхъ наукъ отъ другихъ, ставитъ обстрактныя науки во главѣ всѣхъ прочихъ, конкретныя въ хвостѣ.

Уже это одно общее размѣщеніе есть глубочайшій абсурдъ, ибо если признать, вмѣстѣ съ современной психологіей, что единственнымъ конечнымъ источникомъ нашихъ знаній и идей, по содержанію ихъ, является опытъ, внѣшній и внутренній, а это положеніе признаетъ и самъ Спенсеръ, психологъ-эмпирикъ, то очевидно придется допустить, что знанія могутъ развиваться и зависѣть другъ отъ друга только въ обратномъ порядкѣ, т. е. отъ конкретныхъ къ абстрактнымъ. У Спенсера, правда, есть одинъ уголокъ въ его философской теоріи, въ которомъ можетъ гнѣздиться зерно такой противуестественной идеи о развитіи знаній «отъ абстрактныхъ къ конкретнымъ»,— это его гипотеза о наслѣдствен-

ной передачѣ сложныхъ комплексовъ идей въ физіологической организаціи мозга [1]). Но едва ли этой гипотезы, которая допускаетъ, впрочемъ, нѣсколько различныхъ толкованій [2]), вполнѣ достаточно для объясненія упомянутаго распорядка научныхъ идей у Спенсера, если только принять во вниманіе общее направленіе его психологическихъ доктринъ. Поэтому остается только констатировать странное заблужденіе, въ которое онъ впалъ, не пытаясь окончательно разъяснить его причины.

Отъ критики общаго распорядка понятій перейдемъ къ разсмотрѣнію частностей. Что Спенсеръ призналъ математику и логику чисто абстрактными науками, — это еще можно объяснить вліяніемъ традицій и рутины даже на умы геніальные. Но какимъ образомъ онъ пришелъ къ выводу, что всѣ науки, имѣющія предметомъ міръ органическій, чисто конкретнаго содержанія, — это едва ли объяснимо иначе, какъ изъ желанія Спенсера во что бы то ни стало наполнить графу «конкретныхъ наукъ» какимъ-нибудь содержаніемъ. Неужели его собственная біологія, стремящаяся, въ концѣ концовъ, къ выработкѣ отвлеченнаго понятія «жизни», есть наука исключительно конкретнаго характера? Да что же можетъ быть абстрактнѣе понятій жизни, организма, сознанія, общества, опредѣленіе которыхъ составляетъ конечную цѣль біологіи, психологіи, соціологіи, даже съ точки зрѣнія самого Спенсера? Неужели эти понятія менѣе абстрактны, чѣмъ понятія величины, числа, пространства и времени? Абстрактность всѣхъ подобныхъ понятій мы довольно ясно выставили въ главѣ IV своего сочиненія «О реформѣ логики», и повторять то, что тамъ сказано, не будемъ, потому что достаточно хотя бы одной туманности и несовершенства этихъ понятій въ прежней наукѣ, а равно и незаконченности ихъ опредѣленій въ наукѣ современ-

[1]) Ср. Основ. Психологіи, т. II, 208 и т. III, 322.

[2]) Мы думаемъ напр. что единственно возможное ея толкованіе слѣдующее: наслѣдственная организація умственнаго аппарата опредѣлитъ только общее направленіе, въ которомъ перерабатываются конкретныя данныя опыта въ отвлеченные продукты, но сами эти продукты переработки по содержанію всетаки всецѣло зависятъ отъ матеріала даваемаго опытомъ и исключенія не дѣлаютъ въ этомъ отношеніи и такія понятія, какъ понятіе пространства и времени.

ной для того, чтобы видѣть, какъ сложенъ тотъ путь отвлеченія, абстракціи, при помощи котораго они вырабатываются. Или можетъ быть потому, что они еще не окончательно выработаны, Спенсеръ станетъ отрицать законность стремленій упомянутыхъ наукъ къ ихъ построенію? Но тогда зачѣмъ онъ самъ иногда пытается осуществить эту мнимую задачу? А если она осуществима впослѣдствіи, то почему же онъ не сказалъ по крайней мѣрѣ, что теперешняя конкретная стадія развитія біологіи, психологіи и соціологіи есть переходная къ абстрактной? Этого онъ не говоритъ потому, что по его мнѣнію абстрактное стоитъ во главѣ конкретнаго, а не наоборотъ, да онъ не допускаетъ и мысли о возможности перехода наукъ изъ одной стадіи развитія въ другую. Иначе — изъ-за чего было бы спорить съ Контомъ?

Сказаннаго достаточно, чтобы убѣдиться, что если Спенсеръ правъ, настаивая на развитіи абстрактныхъ, конкретныхъ и смѣшанныхъ научныхъ идей и если онъ правъ въ своемъ стремленіи обозначить особыми терминами науки, въ которыхъ обнаруживается это различіе содержанія идей, то въ дѣйствительномъ размѣщеніи наукъ онъ допускаетъ такія странныя несообразности, которыя противорѣчатъ какъ общей психологической теоріи о развитіи познавательныхъ процессовъ и ихъ продуктовъ, такъ въ частности и дѣйствительному содержанію и задачамъ наукъ. А о томъ уже и говорить нечего, что отсутствіе всякаго строгаго и общаго для всей классификаціи объективнаго критерія въ расчлененіи содержанія науки заставляетъ его разобщать другъ отъ друга такія тѣсно сплетенныя одна съ другой сферы знанія, какъ математику и астрономію, логику и психологію, — физику и химію, съ одной стороны, и геологію съ другой, и т. д. Психологическая точка зрѣнія его можетъ быть утилизирована, но должна быть совершенно переработана и поставлена въ связь съ физической точкой зрѣнія, т. е. въ связь съ теоріей развитія природы.

V.

Исправленіе и объединеніе классификацій наукъ Конта и Спенсера въ одной общей системѣ.

Содержаніе науки можетъ подвергнуться расчлененію, какъ мы уже сказали, во 1) сообразно различнымъ группамъ явленій природы, ею изучаемыхъ, въ ихъ послѣдовательномъ развитіи или въ ихъ эволюціи отъ болѣе простыхъ къ болѣе сложнымъ, и во 2) сообразно моментамъ изученія этихъ различныхъ группъ явленій, которыя, вслѣдствіе постоянства и единства законовъ познавательной дѣятельности, должны быть всегда однѣ и тѣ же. Эти двѣ точки зрѣнія или два принципа — принципъ развитія явленій природы, независимо отъ нашего сознанія, и принципъ развитія нашихъ идей, въ процессѣ познанія этихъ явленій природы, — мы и попытаемся послѣдовательно приложить къ классификаціи содержанія науки.

Контъ дѣлитъ природу на двѣ области, различая тѣла неорганическія и органическія. Но во 1) наука изучаетъ не однѣ только «тѣла», а и «процессы» въ нихъ совершающіеся, и общую идею ея объектовъ лучше выразить болѣе общимъ понятіемъ «явленій». Во 2) явленія природы, по остроумной терминологіи Спенсера, могутъ быть не двухъ, а трехъ классовъ, а именно 1) явленіями неорганическими, 2) явленіями органическими и 3) явленіями надъорганическими. Сообразно съ этимъ, содержаніе науки, съ точки зрѣнія внѣшней или физической, можетъ быть расчленено на три главные отдѣла. Но этого мало: явленія всѣхъ трехъ порядковъ, въ своемъ развитіи, имѣютъ низшую и высшую степень и могутъ быть изучаемы 1) въ своихъ болѣе общихъ и основныхъ проявленіяхъ и отношеніяхъ и затѣмъ, во 2) въ тѣхъ болѣе спеціальныхъ и болѣе сложныхъ аггрегатахъ, которые имъ свойственны и которые уже составляютъ переходную стадію къ развитію явленій слѣдующаго, высшаго порядка. Сообразно съ этимъ, содержаніе каждой изъ указанныхъ трехъ главныхъ наукъ можетъ быть раздвоено. Точно

также можно конечно и далѣе, сообразно съ лѣстницей развитія и осложненія феноменовъ природы, расчленять содержаніе каждаго изъ шести пріобрѣтенныхъ этимъ путемъ отдѣловъ науки, все съ той-же точки зрѣнія послѣдовательной эволюціи объектовъ познанія и соотвѣтствующихъ имъ идей, на сколько они отъ этихъ объектовъ зависятъ. И такъ, вѣроятно, до безконечности, ибо каждая небольшая група явленій въ общей системѣ можетъ сдѣлаться до извѣстной степени предметомъ спеціальнаго научнаго анализа и самыхъ кропотливыхъ и продолжительныхъ изысканій. Но, во первыхъ, пока дѣйствительный ходъ развитія природы, въ разнообразныхъ своихъ частностяхъ, недоступенъ человѣческому пониманію, до тѣхъ поръ опредѣленіе всѣхъ этихъ безчисленныхъ возможныхъ отдѣловъ и подъотдѣловъ знанія, съ точки зрѣнія отношеній ихъ объектовъ, было-бы весьма затруднительно. Во вторыхъ, на сколько таковое и возможно уже въ предѣлахъ каждой главной области науки, оно должно быть предоставлено спеціалистамъ. Поэтому мы лично ограничимся вышеупомянутымъ указаніемъ на шесть главныхъ ступеней въ іерархіи наукъ, сообразно принципу эволюціи явленій природы, и постараемся теперь нѣсколько ближе опредѣлить содержаніе каждой, а также придумать для нихъ и подходящія названія.

Явленія неорганическія болѣе общаго и простаго характера и состава — это явленія космическія — движенія и соотношенія космическихъ тѣлъ съ точки зрѣнія ихъ величины, плотности, массы, взаимнаго притяженія и т. д., это явленія, имѣющія вообще характеръ механическій; напротивъ, неорганическія явленія болѣе спеціальнаго и сложнаго характера и состава — это для насъ, обитателей земли, явленія геологическія, представляющія дальнѣйшую стадію развитія явленій космическихъ [1]); въ отличіе отъ этихъ послѣднихъ, явленія геологическія имѣютъ характеръ не чисто механическій, а такъ называемый физическій и химическій. Общую совокупность наукъ и знаній, относящихся къ космическимъ явленіямъ, мы обозначимъ

[1]) Ср. у Спенсера — объ отношеніи астрономіи и геологіи, Основ. Психол., I, § 33, особ. стр. 142.

старымъ, но уже вышедшимъ изъ употребленія, терминомъ космологіи; общую совокупность наукъ, относящихся къ явленіямъ геологическимъ, мы обозначимъ постоянно употребляющимся, но расширеннымъ въ своемъ значеніи, терминомъ геологіи [1]).

Явленія органическія болѣе общаго и простаго характера и состава — это явленія, которыя имѣютъ мѣсто въ растительныхъ тканяхъ, причемъ мы беремъ этотъ терминъ въ самомъ обширномъ, возможномъ, съ точки зрѣнія естествознанія, значеніи. Въ науку о явленіяхъ этой группы войдетъ такимъ образомъ и ученіе о простѣйшихъ органическихъ клѣткахъ и ихъ аггрегатахъ, входящихъ въ составъ животныхъ организмовъ, ибо и этимъ клѣткамъ тоже по преимуществу свойственна лишь растительная жизнь, т. е. обмѣнъ веществъ, и если въ нихъ проявляется нѣкоторая способность къ движенію, то это еще ничего не доказываетъ, ибо эта-же способность къ движенію, какъ доказано новѣйшими изслѣдованіями Чарльза Дарвина и его сына, присуща и нѣкоторымъ спеціально растительнымъ тканямъ и организмамъ. Вообще явленія органическія болѣе общія и простыя — это тѣ, въ которыхъ не обнаруживается еще способности организмовъ самостоятельно регулировать свое существованіе, а слѣдовательно и связанной съ этимъ способности къ самостоятельному передвиженію съ мѣста на мѣсто. Явленія органическія болѣе спеціальнаго и сложнаго характера и состава — это тѣ, которыя имѣютъ мѣсто въ индивидуальныхъ животныхъ организмахъ, низшихъ и высшихъ. Сообразно этому расчлененію мы назовемъ два отдѣла знанія, входящіе въ составъ общей науки

[1]) Это расчлененіе науки о неорганическихъ явленіяхъ приближается также къ Спенсеровскому дѣленію ея на астрогенію и геогенію (ср. Основ. Соціологіи, т. I, гл. I, § 1); но какъ можно видѣть уже изъ 3-й таблицы наукъ въ „Классификаціи наукъ“ Спенсера, содержаніе нашихъ понятій космологіи и геологіи шире того содержанія, которое Спенсеръ вкладываетъ въ понятія астрогеніи и геогеніи (ср. ниже нашу таблицу наукъ). Терминъ космологіи и геологіи въ сходномъ съ нашимъ значеніи употребляетъ Сициліани (Prolégomenes à la psychogenie moderne p. 172). Терминъ космологіи, но въ значеніи болѣе обширномъ, чѣмъ наше, употребляетъ и Льюисъ (Объ изученіи психологіи, стр. 49).

объ органическихъ явленіяхъ — фитологіей (φυτόν, растеніе) и зоологіей (ζῷον, животное) [1]).

Явленія надъорганическія болѣе общаго и простаго характера и состава — это явленія психическія, болѣе спеціальнаго и сложнаго — явленія соціальныя. Такимъ образомъ, науку о явленіяхъ надъорганическихъ мы расчленимъ на два отдѣла — на психологію и соціологію, удерживая пока терминъ Конта и Спенсера (образованный, какъ извѣстно неправильно) [2]).

Такимъ образомъ мы получаемъ слѣдующую основную іерархію наукъ съ точки зрѣнія внѣшней, физической:

I. Науки о неорганическихъ явленіяхъ	1. Космологія.
	2. Геологія.
II. Науки объ органическихъ явленіяхъ	3. Фитологія.
	4. Зоологія.
III. Науки о явленіяхъ надъорганическихъ	5. Психологія.
	6. Соціологія.

Это основное расчлененіе содержанія науки отличается совершеннымъ единствомъ принципа и, вмѣстѣ съ тѣмъ, просто-

[1]) Это дѣленіе въ предѣлахъ науки объ организмѣ считаетъ возможнымъ принять и Контъ, указывая на различіе „physiologie végétale“ отъ „physiologie animale“, но затѣмъ, испугавшись излишней симметріи въ своей системѣ, онъ не настаиваетъ серіозно на этомъ фундаментальномъ разграниченіи (ср. Cours, I, 74). Что касается до терминологіи, то термины фитологіи и зоологіи вводитъ въ свою систему и Льюисъ (ук. соч., стр. 7), а терминъ зоологіи въ широкомъ значеніи, нами усвоенномъ, встрѣчается также у Сициліани (ук. соч., стр. 172).

[2]) Замѣтимъ здѣсь кстати, что Спенсеръ ставитъ психическія явленія еще въ разрядъ органическихъ и „надъорганическими“ называетъ собственно только соціальныя явленія, но если мы примемъ во вниманіе, что въ психическихъ явленіяхъ, кромѣ чисто органическихъ условій, участвуетъ и особый факторъ — сознаніе, который отнюдь не составляетъ общую и необходимую характеристическую черту органической жизни, то придемъ къ заключенію въ правильности принятаго нами распредѣленія понятій. Впрочемъ, и самъ Спенсеръ въ „Основ. Психол.“ говоритъ о присутствіи въ психическихъ явленіяхъ такого элемента, который рѣзко дифференцируетъ ихъ отъ явленій чисто физіологическихъ или органическихъ въ собственномъ значеніи (ср. уп. соч. I, стр. 146 и 147), такъ что Льюисъ даже полемизируетъ съ Спенсеромъ по поводу такого рѣзкаго, по его мнѣнію, разграниченія органическихъ и психическихъ явленій (ср. уп. соч., стр. 59).

тою, но именно въ силу первой его особенности мы и не встрѣчаемъ въ немъ такихъ названій наукъ, какъ названія математики, астрономіи, физики, химіи, физіологіи. Всѣ эти названія обозначаютъ собою науки болѣе спеціальнаго характера, и мы дадимъ имъ надлежащее мѣсто при дальнѣйшемъ расчлененіи содержанія упомянутыхъ шести основныхъ наукъ, съ точки зрѣнія психологической. Къ разбору этой послѣдней мы теперь и перейдемъ.

Мы уже сказали, что процессъ развитія идей и знаній отъ конкретныхъ къ абстрактнымъ и есть тотъ психологическій процессъ, который отражается на составѣ каждой объективно-раздѣльной науки и который долженъ быть положенъ въ основу психологическаго расчлененія знаній. Въ этомъ пунктѣ мы приближаемся къ Конту и отдаляемся отъ Спенсера, который признавалъ, что каждый главный отдѣлъ науки носитъ — или чисто конкретный, — или чисто абстрактный, — или смѣшанный характеръ. Но мы тотчасъ-же приблизимся опять къ Спенсеру, если выскажемъ наше убѣжденіе въ необходимости,—при расчлененіи, въ предѣлахъ каждой главной группы знаній, не только отдѣловъ конкретныхъ и абстрактныхъ понятій, но и отдѣловъ понятій смѣшанныхъ, — подвести всѣ эти отдѣлы знанія подъ идеи различныхъ спеціальныхъ наукъ. Мы даже пойдемъ далѣе по пути, проложенному Спенсеромъ, и признаемъ науки смѣшаннаго состава относящимися къ двумъ разрядамъ: 1) наукъ конкретно-абстрактныхъ, 2) наукъ абстрактно-конкретныхъ. Дѣло въ томъ, что въ процессѣ развитія идей своихъ, человѣческій умъ проходитъ два пути: сначала онъ восходитъ отъ конкретнаго къ абстрактному, затѣмъ нисходитъ обратно, отъ абстрактнаго къ конкретному. Отсюда и различіе индуктивнаго метода познанія отъ дедуктивнаго. Спенсеръ признавалъ только существованіе абстрактно-конкретныхъ наукъ, разумѣя подъ этимъ названіемъ тѣ науки, которыя мы скорѣе назовемъ конкретно-абстрактными (впрочемъ, спеціальное распредѣленіе этихъ наукъ у Спенсера и у насъ различно). Признавая только одинъ разрядъ смѣшанныхъ наукъ, Спенсеръ не заботился о правильномъ расположеніи элементовъ своего двойнаго термина,

да этому мѣшала отчасти и его ошибочная постановка абстрактныхъ наукъ во главѣ всѣхъ прочихъ. Естественная послѣдовательность наукъ различныхъ разрядовъ, съ точки зрѣнія психологической доктрины о неизбѣжныхъ, (съ точки зрѣнія развитія идей), моментахъ познавательной дѣятельности человѣка, будетъ слѣдующая:

1. Науки конкретныя. } (индуктивныя).
2. Науки конкретно-абстрактныя. } (индуктивныя).
3. Науки абстрактныя (индуктивно-дедуктивныя).
4. Науки абстрактно-конкретныя (дедуктивныя).

Такое распредѣленіе содержанія каждой объективно-раздѣльной основной науки вполнѣ совпадаетъ и съ тою теоріею развитія идей, которую мы подробно изложили и мотивировали въ своемъ сочиненіи «Къ вопросу о реформѣ логики» (глава II) и о которой вкратцѣ упомянули выше: первые по порядку сложные продукты чувственнаго опыта, по указанной теоріи, суть конкретныя представленія, вторыя суть конкретныя понятія, третьи—отвлеченныя понятія, четвертые—научныя идеи въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. вполнѣ методически организованныя отвлеченныя понятія. Наука есть совокупность понятій. Поэтому первая, низшая и подготовительная стадія каждой науки есть обработка конкретныхъ представленій въ конкретныя понятія или, точнѣе говоря, провѣрка, исправленіе и дополненіе системы тѣхъ конкретныхъ понятій, которыя образовались въ человѣческомъ умѣ подъ вліяніемъ внѣ и до-научнаго ознакомленія съ природою. Эту задачу, въ предѣлахъ каждой области знанія, и выполняютъ науки конкретныя, собирающія, описывающія и классифицирующія матеріалъ, т. е. наличные факты научнаго опыта.

Вторая стадія научной дѣятельности — это переработка конкретныхъ понятій въ отвлеченныя, или, точнѣе говоря, искусственное расчлененіе и анализъ содержанія конкретныхъ понятій, въ видахъ провѣрки, исправленія и дополненія образовавшихся въ человѣческомъ умѣ, путемъ до-научнаго опыта, отвле-

ченныхъ понятій. Эту задачу и выполняютъ науки конкретно-абстрактныя, т. е. науки, матеріалъ которыхъ еще является конкретнымъ, продукты же — абстрактными.

Третья стадія научной работы — переработка отвлеченныхъ понятій въ самыя отвлеченныя, методически организованныя научныя идеи, съ цѣлью построенія стройной системы таковыхъ и съ цѣлью пріобрѣтенія общихъ принциповъ, изъ которыхъ можно было бы дедуцировать совершенное объясненіе всевозможныхъ спеціальныхъ случаевъ. Когда такимъ образомъ развитіе научныхъ идей дойдетъ до своей вершины, начинается обратный путь отъ абстрактнаго къ конкретному, и объясненіе конкретныхъ явленій съ точки зрѣнія абстрактныхъ принциповъ составляетъ уже задачу наукъ абстрактно-конкретныхъ [1]).

Теперь спрашивается, какъ примѣнить эту точку зрѣнія къ дѣйствительному расчлененію содержанія выше приведенныхъ шести основныхъ отдѣловъ знанія, разграниченныхъ нами съ точки зрѣнія объективной?

Прежде всего, существуютъ ли чисто конкретные отдѣлы идей въ области указанныхъ шести наукъ? Конечно, да, — ибо существуютъ науки, описывающія и классифицирующія явленія космическія (астрономія и метеорологія, какъ описательныя науки), явленія геологическія (географія и геологія въ описательномъ значеніи, а также минералогія), явленія въ сферѣ жизни растительно-органическаго міра (ботаника, гистологія...) явленія въ сферѣ жизни животныхъ организмовъ (зоологія и антропологія въ обычномъ значеніи этихъ терминовъ), явленія въ сферѣ жизни психической (описательная психологія) и въ сферѣ жизни соціальной (исторія, этнографія и вообще описательная соціологія). Термины, которыми обозначаются всѣ эти конкретныя науки, крайне

[1]) Приведенное дѣленіе содержанія каждой науки весьма близко къ обычному дѣленію науки на описательную, объяснительную и истолковательную (ср. точное опредѣленіе ихъ у М. И. Владиславлева: Психологія, т. I, стр. 45—52). Но въ понятіи истолковательной науки обыкновенно сливаются двѣ идеи: 1) истолкованіе смысла понятій (абстрактная стадія) и 2) истолкованіе смысла конкретныхъ фактовъ на основаніи перваго (абстр.-конкр. стадія). Эти двѣ идеи мы и расчленяемъ. Подъ абстрактною стадіею науки слѣдуетъ разумѣть и то, что обыкновенно называется „философіею“ данной науки.

сбивчивы, въ своемъ происхожденіи случайны и въ своемъ составѣ вовсе не отражаютъ главнаго отличительнаго признака соотвѣтствующихъ идей наукъ, т. е. ихъ описательнаго характера. Поэтому, для единства и однообразія терминологіи, мы обозначимъ всѣ упомянутыя науки терминами космографія, географія, фитографія, зоографія, психографія [1]), социографія, причемъ первые два, уже введенные въ употребленіе, мы разумѣемъ, конечно, въ болѣе широкомъ значеніи, чѣмъ какое имъ обыкновенно придается.

Переходя къ наукамъ конкретно-абстрактнымъ, анализирующимъ матеріалъ, даваемый науками конкретными, и стремящимся свести данныя, болѣе или менѣе сложныя, явленія къ ихъ основнымъ элементамъ, съ цѣлью объясненія ихъ происхожденія и развитія, мы сразу замѣчаемъ, что такой анализъ во всѣхъ наукахъ совершается въ двоякомъ направленіи. Дѣло въ томъ, что данныя въ мірѣ явленія слагаются изъ двухъ факторовъ, существуютъ въ двоякомъ отношеніи: два эти фактора — вещество и сила, два отношенія — пространство и время. Вещество въ пространствѣ является протяженнымъ и составнымъ, сила во времени обнаруживается движеніемъ, перемѣною, процессомъ, зависящими отъ состава вещества и въ свою очередь его обусловливающими. Вслѣдствіе этого, научный анализъ на стадіи конкретно-абстрактной раздвояется: въ одномъ направленіи онъ является статическимъ и имѣетъ объектомъ своимъ сведеніе сложныхъ состояній и отношеній вещества по составу къ простымъ, въ другомъ направленіи онъ является динамическимъ и имѣетъ объектомъ — сведеніе сложныхъ процессовъ и движеній, т. е. проявленій силы, къ простѣйшимъ. Отсюда теоретически — двѣ области, въ каждой наукѣ конкретно-абстрактной. Такія двѣ области дѣйствительно имѣются на лицо въ каждой основной наукѣ: статическіе отдѣлы въ области космологіи отвлекаютъ, при изученіи космическихъ явленій, понятія «величины, массы, формы, фигуры, числовыхъ отношеній» и опредѣляютъ смыслъ

---

[1]) Идеѣ „психографіи“ отчасти соотвѣтствуетъ понятіе „естественной исторіи души“ у Шотландскихъ психологовъ.

и отношенія всѣхъ этихъ понятій; въ число уже достигшихъ извѣстнаго совершенства конкретно-абстрактныхъ наукъ въ этой области, должно поставить на первомъ планѣ элементарныя математическія науки (геометрію, стереометрію, ариѳметику, алгебру). Динамическіе отдѣлы въ области космологіи имѣютъ объектомъ своимъ анализъ движенія, независимо отъ спеціальныхъ силъ, его производящихъ (кинематика и въ извѣстныхъ отдѣлахъ своихъ механика). Если мы обозначимъ общую конкретно-абстрактную стадію развитія космологіи именемъ космогеніи [1]), такъ какъ въ этой стадіи развитія наука вообще стремится объяснить происхожденіе сложныхъ явленій путемъ анализа ихъ простѣйшихъ элементовъ и началъ, а упомянутыя двѣ главныя области ея обозначимъ именами мегетологіи (отъ μέγεθος — величина) и кинесеологіи (κίνησις — движеніе), то эти термины выразятъ болѣе или менѣе наглядно идею наукъ, только что нами расчлененныхъ.

Статическимъ отдѣломъ науки геологіи, или точнѣе геогеніи, имѣющей предметомъ своимъ анализъ происхожденія вещества и состава тѣлъ на нашей планетѣ, а уже по аналогіи съ ней и анализъ вещества другихъ космическихъ тѣлъ, является химія, которую для однообразія терминологіи назовемъ иначе соматологіей (σῶμα — тѣло). Динамическимъ отдѣломъ той же науки, изслѣдующимъ силы, дѣйствующія въ упомянутомъ веществѣ, является физика, которую можно назвать, ради упомянутой цѣли, также и динамологіей (δύναμις — сила).

Въ области наукъ объ организмахъ, т. е. въ области фитогеніи и зоогеніи, статическимъ отдѣломъ является анатомія растеній и животныхъ, динамическимъ отдѣломъ — физіологія растеній и животныхъ [2]). Можно выразить идеи, лежащія въ основѣ упомянутыхъ наукъ, и особыми терминами, которые, впрочемъ, придумать не такъ легко уже потому, что предѣлы фитологіи и зоологіи еще очень смутно очерчены въ существующей

---

[1]) Въ понятіе „космогеніи“ должно войдти и Спенсеровское понятіе „астрогеніи“.

[2]) Ср. у Льюиса контрастъ понятій біостатики и біодинамики. (Вопр. о жизни и духѣ, I, стр. 130).

общей наукѣ объ органическихъ явленіяхъ. Предоставляя спеціалистамъ исправить нашу терминологію, если она окажется неудовлетворительной, мы пока удовольствуемся слѣдующими терминами:

Фитогенія		Зоогенія	
морфологія	бластапологія (отъ βλαστάνω, росту, ибо процессъ роста—наиболѣе характеристическій для растительныхъ организмовъ).	органологія	физіологія (съ удареніемъ на связь этого термина съ греческимъ глаголомъ φύω, произвожу).

Статическій и динамическій отдѣлы психологіи или, въ частности психогеніи, мы уже разграничили въ своемъ трудѣ «О реформѣ логики» (Введеніе и I глава) помощью понятій психостатики и психодинамики [1], но опять, для большаго единства принципа терминологіи, эти названія можно замѣнить и другими, обозначивъ психостатику терминомъ эстесеологіи (отъ αἴσθησις ощущеніе, чувство, сознаніе) [2], психодинамику—терминомъ пойематологіи (отъ ποίημα дѣйствіе, дѣятельность).

Наконецъ, соціостатику, изучающую и анализирующую общественныя установленія и учрежденія, назовемъ оесмологіей (отъ θεσμός учрежденіе, установленіе), соціодинамику, изслѣдующую процессы общественной дѣятельности и общественнаго творчества, — эргасіологіей (отъ ἐργάζω — работаю, обработываю, произвожу, совершаю) [3]).

При этомъ мы принимаемъ въ данномъ случаѣ за общія названія для статическихъ и динамическихъ наукъ двухъ послѣднихъ разрядовъ термины: психогеніи (исторія развитія духа) и

[1]) Эти понятія въ весьма сходномъ съ нашимъ значеніи употребляетъ уже и Льюисъ въ своихъ „Вопросахъ о жизни и духѣ", I, ср. особ. стр. 120 и слѣд., стр. 136 и слѣд. Ср. также упом. соч. Сициліани и книжку Paulhan'a: „Physiologie de l'esprit", p. 19 etc.

[2]) Ср. термины „эсто-физіологіи" у Спенсера (Осн. Псих, I, 101) и „эстетики" у Льюиса (Из. Псих., 63), образованные отъ того же корня, хотя они имѣютъ и другое значеніе.

[3]) Противоположеніе соціальной статики и соціальной динамики ведетъ свое начало, какъ извѣстно, еще отъ Конта (Cours, IV, 230, 235, 261 etc.)

соціогеніи [1]) (исторія развитія общества), ибо конечною цѣлью анализа всѣхъ статическихъ и динамическихъ явленій на конкретно-абстрактной стадіи представляется намъ все-таки построеніе полной теоріи развитія этихъ явленій.

Абстрактные отдѣлы шести основныхъ наукъ, болѣе поздніе по своему происхожденію, отчасти уже имѣются на лицо (какъ въ области космологіи), — отчасти находятся въ процессѣ образованія (а именно въ области геологіи, фитологіи и зоологіи), — отчасти же могутъ быть только предусмотрѣны, какъ долженствующіе развиться впослѣдствіи (таковыми они представляются въ области психологіи и соціологіи).

Ихъ характеристическія особенности могутъ быть выражены тѣми наиболѣе отвлеченными научными идеями, къ выработкѣ и опредѣленію которыхъ стремится наука въ различныхъ своихъ отдѣлахъ. Въ связи съ этими общими идеями должно составить и термины, которыми могутъ быть обозначены соотвѣтствующія науки. Еще Уэвель въ своей исторіи научныхъ идей (первая часть его философіи индуктивныхъ наукъ, 3 Edit. London, 1858, vol. I, ch. VII), а за нимъ и другіе англійскіе писатели (напр. отчасти и Спенсеръ, и Бэнъ), пытаются найти эти наиболѣе отвлеченныя идеи въ каждой области знаній (Спенсеръ — только въ области абстрактныхъ наукъ), и ошибка Уэвеля заключается только въ томъ, что онъ кладетъ различіе этихъ отвлеченныхъ идей въ основу всей своей классификаціи знаній, а не одного лишь разграниченія абстрактныхъ моментовъ наукъ, а также и въ томъ, что этихъ отвлеченныхъ идей онъ ищетъ въ существующемъ содержаніи и въ наличныхъ въ его время тенденціяхъ науки. Въ основѣ математики, астрономіи, механики онъ находитъ идеи пространства, времени и числа, въ основѣ физическихъ наукъ — идеи силы, матеріи, причинности и т. д.

---

[1]) Понятію психогеніи соотвѣтствуетъ до извѣстной степени понятіе „исторіи души“ у старыхъ нѣмецкихъ психологовъ. Термины психогеніи и соціогеніи употребляютъ и другіе писатели, напр. Сициліани (упом. соч., p. 81 115, 173), который, впрочемъ, недостаточно строго ихъ разграничиваетъ. Ср. также о психогенетическихъ изслѣдованіяхъ у Льюиса. (Вопр. о жизни и духѣ, I, 141 и Изуч. Психол., 162).

Исправивъ приведенныя имъ расчлененія этихъ отвлеченныхъ идей, сообразно нашему взгляду на отношенія наукъ, мы укажемъ на слѣдующія главныя и наиболѣе отвлеченныя изъ нихъ въ области признанныхъ нами шести основныхъ наукъ, служащія или могущія служить объектомъ изслѣдованія на стадіи абстрактной:

Космологія — идеи формы, величины, числа, движенія, протяженія, пространства, времени...

Геологія — идеи тѣла, вещества, процесса, силы и т. д.

Фитологія — идеи существованія, роста, развитія, и т. д.

Зоологія — идеи жизни, взаимодѣйствія, трансформаціи и т. д.

Психологія — идеи сознанія, субъекта, дѣятельности, психической эволюціи и т. д.

Соціологія — идеи союза (ассоціаціи), общества, коллективнаго творчества, прогресса, культуры, искуства, науки, и т. д.

Конечно нѣкоторыя изъ этихъ идей, какъ особые предметы изслѣдованія, едва еще намѣчены въ наукѣ, но зато, чѣмъ меньше онѣ были доступны до сихъ поръ научному опредѣленію, тѣмъ съ большимъ упорствомъ стремилась предугадать и опредѣлить ихъ значеніе, путемъ отвлеченной фантазіи, философія. Философія и является поэтому высшею стадіею развитія всѣхъ абстрактныхъ наукъ, вмѣстѣ взятыхъ, и преждевременною попыткою объединенія и законченнаго изложенія ихъ предполагаемаго содержанія, — попыткою, вполнѣ законною съ субъективной точки зрѣнія, съ точки зрѣнія чувствъ и стремленій человѣка, но незаконною съ точки зрѣнія объективной, научной. Вслѣдствіе этого мы и отказываемся считать философію «наукой» и признаемъ ее высшимъ отвлеченнымъ «искуствомъ», иногда вѣрно предъугадывающимъ будущія открытія науки, но всетаки субъективнымъ, носящимъ на себѣ печать личности и времени и поэтому вовсе не освобождающимъ науку отъ необходимости повторить туже работу мысли новымъ путемъ и новыми пріемами. Философія, отрицающая это свое субъективное значеніе и претендующая, не смотря ни на что, быть наукою, и есть та метафизика, или лженаука, противъ которой боролись лучшіе умы во всѣ эпохи, и которая носила въ древности названіе «діалектики», въ средніе вѣка названіе «схоластики».

Но мы отклонились въ сторону. Уже изъ сдѣланнаго выше небольшаго и неполнаго перечня наиболѣе отвлеченныхъ научныхъ идей очевидно, что абстрактная стадія развитія возможна для всѣхъ шести основныхъ наукъ. Но въ дѣйствительности, со всѣми признаками науки, эта стадія имѣется на лицо лишь въ области космологіи. Такою абстрактною стадіею въ области космологіи и является математика въ тѣсномъ значеніи, т. е. высшая математика, начиная съ обыкновенной алгебры, которая составляетъ послѣдній продуктъ конкретно-абстрактной стадіи развитія космологическихъ знаній одного разряда. Для единства терминологіи мы назовемъ эту абстрактную науку, съ точки зрѣнія ея общаго объекта—формъ и отношеній, отвлеченныхъ отъ всякаго конкретнаго содержанія,—схематологіей.

Абстрактная наука въ области геологіи еще не имѣетъ особаго названія, ибо она едва образуется. Это—общая наука о веществѣ и силѣ, которая пока состоитъ изъ тѣхъ немногихъ и отрывочныхъ положеній, въ которыхъ стремятся подать другъ другу руку и синтезировать свои знанія и выводы химія и физика. Къ такимъ отрывочнымъ положеніямъ относятся положенія о вѣчности матеріи и силы (законъ сохраненія энергіи) и др. подобныя. Главнымъ содержаніемъ этой нарождающейся абстрактной науки является идея вещества, какъ носителя силы, и потому мы назовемъ ее гилологіей (ὕλη матерія).

Въ области науки объ организмѣ понятіе біологіи выражаетъ уже идею абстрактной стадіи развитія; [1]) но эта идея, вслѣдствіе бѣдности содержанія упомянутой, тоже едва образующейся, абстрактной науки, (къ которой относятся попытки общаго опредѣленія понятія жизни) еще не дифференцировалась для областей фитологіи и зоологіи. Между тѣмъ можно предвидѣть, что будущая наука объ организмѣ будетъ различать идею органическаго существованія, какъ простаго обмѣна веществъ, отъ идеи органической жизни, какъ сложнаго процесса обмѣна веществъ и силъ [2]). Поэтому мы и позволимъ себѣ выразить

---

[1]) Ср. понятіе „biologie philosophique“ у Сициліани (ук. соч. стр. 172).

[2]) Термины „обмѣна веществъ“ и „обмѣна силъ“ мы разумѣемъ въ томъ

эту предполагаемую нами и неизбѣжную въ будущемъ, по нашему мнѣнію, дифференціацію содержанія біологіи, какъ абстрактной науки, помощью разграниченія понятій онтологіи, (старый уже оставленный философскій терминъ, отъ εἰμί существую) и біологіи въ тѣсномъ смыслѣ.

Возможныя въ будущемъ абстрактныя стадіи въ развитіи идей психологическихъ и соціологическихъ, долженствующія привести къ научному опредѣленію понятій сознанія и субъекта, понятій союза (ассоціаціи) и общества, обозначимъ терминами ноологія (отъ νόος умъ, сознаніе) и демологія (отъ δῆμος народъ, община, толпа, куча) [1].

Скажемъ, въ заключеніе этой главы, еще нѣсколько словъ объ абстрактно-конкретной стадіи развитія различныхъ наукъ. При указанной нами неразвитости абстрактной ихъ стадіи, абстрактно-конкретная должна оказаться, конечно, тѣмъ менѣе выработанною. Дедуктивной стадіи развитія достигла, какъ извѣстно,—и то лишь въ нѣкоторыхъ своихъ отдѣлахъ—астрономія, т. е., употребляя наше болѣе широкое понятіе, космологія [2]. Какъ мы уже видимъ однако изъ примѣра этой одной науки, главный признакъ достиженія наукою вообще разсматриваемой четвертой стадіи развитія есть открытіе ею такихъ всеобщихъ законовъ (въ родѣ закона тяготѣнія), изъ которыхъ можно было бы дедуцировать всѣ другіе частные законы данныхъ явленій и объяснить всѣ комбинаціи этихъ послѣднихъ. Слѣдовательно, абстрактно-конкретная наука имѣетъ дѣло съ развитіемъ и приложеніемъ теоріи законовъ, управляющихъ данною областью явленій. Отсюда мы приходимъ къ выводу о возможности обозначенія всѣхъ имѣющихъ развиться въ будущемъ абстрактно-конкрет-

специальномъ значеніи, которое придали имъ въ „Психологіи чувствованій“ (стр. 427 и слѣд.)

[1]) Терминъ этотъ впервые употребляетъ Вундтъ (Logik II B. Methodenlehre, 1883, 570), ставя его въ связь съ употреблявшимся уже прежде нѣкоторыми писателями, терминомъ демографія. Но значеніе, которое мы даемъ термину демологія, болѣе спеціально чѣмъ у Вундта, ибо Вундтъ прямо замѣняетъ имъ старый терминъ „соціологія“.

[2]) Нѣкоторые думаютъ, что такой же степенью развитія характеризуется и одинъ отдѣлъ физики, а именно оптика.

ныхъ наукъ терминами космономіи, геономіи, фитономіи, зономіи, психономіи, соціономіи. А что такое развитіе неизбѣжно должно наступить рано или поздно, ясно уже изъ того соображенія, что самое существованіе соотвѣтствующихъ областей знанія оправдывается лишь увѣренностью нашей въ возможности открытія общихъ законовъ, управляющихъ всѣми тѣми явленіями, которыя наука изучаетъ, и стремленіемъ нашимъ подготовить путь къ открытію этихъ общихъ законовъ частными обобщеніями, приводящими насъ уже теперь къ отысканію во всѣхъ областяхъ природовѣдѣнія (не исключая психологіи и соціологіи) законовъ эмпирическихъ, т. е. частныхъ.

Если мы теперь приведемъ въ единство и систему всѣ важнѣйшія разчлененія содержанія науки, къ которымъ мы до сихъ поръ пришли, то получимъ слѣдующую общую классификацію, конечно далеко не исчерпывающую всѣхъ уже существующихъ и могущихъ вновь возникнуть отдѣловъ и подъотдѣловъ знанія, но за то указывающую, можетъ быть, на то общее направленіе, въ которомъ эта болѣе полная классификація [1]) можетъ быть осуществлена въ будущемъ общими усиліями спеціалистовъ по различнымъ областямъ науки.

[1]) Мы говоримъ „болѣе полная“, ибо совершенно полною она никакъ не можетъ быть до тѣхъ поръ, пока есть хотя малѣйшая возможность открытія новыхъ областей научнаго изученія природы.

Естественная классификація наукъ, съ точки зрѣнія методовъ экстроспективнаго и интроспективнаго.

	Науки:	А. Конкретныя	Б. Конкретно-абстрактныя	а. статическія.	б. динамическія.	В. Абстрактныя	Г. Абстрактно-конкретныя
I. О явленіяхъ неорганическихъ.	1. Космологія.	Космографія (астрономія, какъ описат. наука, метеорологія — тоже, космографія — тоже).	Космогенія:	мегатологія и (ариѳметика, геометрія, алгебра).	кинесеологія (кинематика, отчасти механика, геометрія движенія Спенсера?).	Схематологія (высшая математика и абстрактная механика).	Космономія (астрономія).
	2. Геологія.	Географія (географія, геологія, какъ описат. наука, минералогія, кристаллографія и т. д.).	Геогенія:	соматологія и (химія).	динамологія (физика).	Гилологія (наука о веществѣ вообще).	Геономія.
II. О явленіяхъ органическихъ.	3. Фитологія.	Фитографія (ботаника и гистологія?).	Фитогенія:	морфологія и (анатомія растеній).	бластанологія (физіологія растеній).	Онтологія (біологія растит. жизни).	Фитономія.
	4. Зоологія.	Зоографія (зоологія въ обыкн. значеніи, отчасти антропологія).	Зоогенія:	органологія и (анатомія животныхъ).	физіологія (физіологія и эмбріологія).	Біологія (біологія животныхъ).	Зоономія.
III. О явленіяхъ надъорганическихъ.	5. Психологія.	Психографія (психологія въ смыслѣ описательной науки).	Психогенія:	эстесеологія и (психостатика или психологія въ обычномъ значеніи слова).	пойематологія (психодинамика: наука объ индивид. познаніи или логика, наука объ индивидуальной дѣятельности или этика).	Ноологія (наука о сознаніи вообще).	Психономія.
	6. Соціологія.	Соціографія (исторія, этнографія, отчасти антропологія...)	Соціогенія:	ѳесмологія и (соціостатика).	эргасіологія (соціодинамика).	Демологія (наука объ обществѣ вообще).	Соціономія.

IV.

Дополнительныя соображенія по поводу изложенной классификаціи наукъ.

По поводу изложенной нами только что классификаціи наукъ, дедуцированной изъ общихъ и спеціальныхъ принциповъ, выработанныхъ современною наукою вообще, и опирающейся въ тоже время на критику важнѣйшихъ существующихъ разчлененій содержанія науки, можно было-бы, конечно, сказать еще очень много и прійдти къ нѣкоторымъ новымъ и важнымъ соображеніямъ о методахъ и задачахъ различныхъ существующихъ наукъ и ихъ представителей; но эти соображенія мы изложимъ впослѣдствіи и только въ томъ случаѣ, если встрѣтимъ среди спеціалистовъ достаточное сочувствіе къ своей общей точкѣ зрѣнія, и лишь тогда, когда выслушаемъ ихъ замѣчанія и возраженія по поводу возможныхъ несовершенствъ выработанной нами системы идей и соотвѣтствующей имъ примѣрной системы терминовъ. Пока ограничимся только нѣкоторыми дополнительными соображеніями.

Прежде всего необходимо замѣтить, что наша классификація наукъ, въ отличіе отъ прежнихъ, является идеальною, между тѣмъ какъ эти послѣднія стремились быть реальными. Но эту идеальность нашей классификаціи, въ противуположность воззрѣнію Конта, мы именно и считаемъ ея достоинствомъ. Контъ, наоборотъ, въ похвалу своей классификаціи, приводитъ тотъ фактъ, что она «совпадаетъ съ тѣмъ разчлененіемъ содержанія науки, котораго достигъ человѣческій умъ, безъ заранѣе предвзятаго намѣренія, и обнаруживаетъ именно то ихъ подчиненіе, которое оправдывается позитивно—данными ихъ отношеніями». «Такое согласіе, говоритъ онъ, есть вѣрнѣйшій признакъ хорошей классификаціи» (Cours, I, стр. 77). Но если такъ, то кто-же далъ Конту право исключить изъ его классификаціи понятіе психологіи, какъ самостоятельной науки, и игнорировать множество другихъ наукъ, которыя и до сихъ поръ всѣми признаны и о которыхъ онъ не считаетъ даже нужнымъ упоминать, каковы науки филологическія, юридическія и т. д? Если-же онъ не считаетъ эти науки дѣйствительными науками, то зачѣмъ-же онъ настаиваетъ

на необходимости согласія всякой хорошей классификаціи наукъ, въ ея элементахъ, съ наличною ихъ системою, выработанною здравымъ смысломъ человѣчества? Да и на какомъ основаніи, при указанномъ требованіи, онъ рѣшается ввести въ свою систему понятіе совершенно новой науки — понятіе «соціологіи?» Тутъ есть очевидно противорѣчіе.

Спенсеръ точно также, по многимъ признакамъ, стремится какъ можно болѣе приблизить свою классификацію наукъ къ существующимъ идеямъ о раздѣльныхъ другъ отъ друга разрядахъ знанія, но тоже упускаетъ изъ виду многія дѣйствительно-существующія идеи наукъ и вводитъ другія новыя идеи и названія наукъ (напр. вводитъ понятіе астрогеніи). Одно изъ двухъ: или классификаторъ долженъ слѣдовать существующимъ идеямъ, если онѣ признаются имъ безошибочно составленными, или онъ въ правѣ признать себя независимымъ отъ нихъ и въ правѣ совершенно эмансипироваться отъ ихъ вліянія, если онѣ могутъ быть ошибочны и односторонни. Въ первомъ случаѣ классификація будетъ реальной, во второмъ идеальной. Такъ какъ первая очевидно неосуществима съ научной точки зрѣнія, ибо самые сильные умы нашего времени, къ ней стремившіеся, признали однако необходимымъ подвергнуть исправленію и провѣркѣ идеи о содержаніи и задачахъ нѣкоторыхъ наукъ и указали на другія идеи, къ которымъ практика сама собою не пришла, то лучше прямо и открыто сознаться, что реальная классификація наукъ, т. е. естественная классификація существующихъ названій и идей о наукахъ, невозможна и что научное значеніе можетъ имѣть только классификація идеальная, пытающаяся исправить ошибки практики и обычая, дополнить пробѣлы, ими допущенные, и указать на отношенія знаній, ими не предусмотрѣнныя.

Но если естественная классификація содержанія науки можетъ быть только идеальною, не соотвѣтствующею наличному ея расчлененію, и если такова именно предложенная нами, въ видѣ опыта, классификація, то ясно, что отношеніе, дифференцированныхъ нами, отдѣловъ знанія — къ существующимъ и признаннымъ до сихъ поръ — можетъ быть весьма разнообразно, смотря по степени развитія науки въ той или другой области. Нѣкото-

рыя, сдѣланныя нами, дифференціаціи понятій могутъ соотвѣтствовать уже существующимъ, инстинктивно произведеннымъ человѣческою мыслью, и даже могутъ оказаться недостаточными для выраженія разнообразія сихъ послѣднихъ, другія могутъ оказаться напротивъ опережающими тѣ, которыя даны на лицо, третьи только исправляющими данныя случайныя и ошибочныя дифференціаціи понятій науки и т. д. Въ возможности такихъ различныхъ соотношеній мы уже и убѣдились изъ сопоставленія расчлененныхъ нами идей о наукахъ съ тѣми, которыя уже имѣются на лицо въ научной практикѣ. Но теперь можно указать еще на общій законъ, который отчасти регулируетъ эти отношенія. Дѣло въ томъ, что по справедливому утвержденію Конта, сравнительная простота и общность явленій, при отсутствіи посторонихъ субъективныхъ воздѣйствій, совпадаетъ и съ большею легкостью ихъ изученія, а большая легкость изученія тѣхъ или другихъ явленій приводитъ и къ скорѣйшему ихъ пониманію и выясненію ихъ природы, что въ свою очередь ведетъ къ скорѣйшей дифференціаціи научныхъ идей въ данной области. Имѣя въ виду эту цѣпь фактовъ, мы уже a priori (т. е. на основаніи общихъ соображеній) въ правѣ ожидать, что составъ науки является тѣмъ болѣе опредѣленнымъ, т. е. содержаніе ея тѣмъ болѣе дефференцированнымъ и интегрированнымъ, чѣмъ проще и общѣе, т. е. первоначальнѣе, по своему происхожденію и развитію, явленія, данною наукою изучаемыя.

Съ другой стороны, также понятно и то, что чѣмъ сложнѣе и абстрактнѣе идеи, выработываемыя данною наукою, тѣмъ неопредѣленнѣе ея содержаніе, тѣмъ менѣе ясны ея задачи.

Изъ этихъ двухъ положеній вытекаетъ, что подвигаясь внизъ и направо, въ приведенной нами общей схемѣ распредѣленія наукъ, мы должны встрѣчаться съ менѣе и менѣе опредѣленнымъ, дифференцированнымъ и интегрированнымъ содержаніемъ идей. И это обобщеніе вполнѣ подтверждается сдѣланными выше указаніями на дѣйствительное состояніе тѣхъ или другихъ отдѣловъ науки. Наиболѣе выработанными являются конкретные отдѣлы космологической науки, наименѣе установленными — абстрактные отдѣлы науки соціологической.

Однако, такое общее утвержденіе необходимо дополнить двумя указаніями: во 1) всѣ отмѣченные нами отдѣлы знанія такъ или иначе всетаки уже существуютъ, если не въ видѣ отдѣльныхъ наукъ, то въ видѣ отдѣльныхъ идей, которыя намѣчены другими смежными науками и ждутъ только своего выдѣленія изъ ихъ состава, путемъ болѣе точной дифференціаціи ихъ содержанія [1]. Во 2), какъ мы уже намекнули, кромѣ чисто объективныхъ основаній, на относительный прогрессъ научныхъ идей и на воззрѣнія, касающіяся степени легкости изученія тѣхъ или другихъ объектовъ, вліяютъ еще мотивы субъективные. Отсюда вытекаетъ тотъ фактъ, что если въ области науки, относящейся къ явленіямъ болѣе сложнымъ, и нѣтъ еще настоящей, вполнѣ правильной, съ точки зрѣнія теоріи, дифференціаціи идей объ объектахъ и соотвѣтствующихъ имъ наукахъ, то всетаки въ ней иногда встрѣчается не столь научная, но еще болѣе полная дифференціація этихъ идей, чѣмъ въ той области науки, которая имѣетъ объектомъ явленія болѣе простыя и общія. Уже во «вступленіи» къ своей «Пси-

[1]) Выдѣленіе это опять, конечно, можетъ быть только идеальнымъ, ибо de facto въ научной дѣятельности того или другаго специалиста и въ каждой научной работѣ, т. е. въ каждомъ научномъ трактатѣ, моменты описанія, объясненія, отвлеченнаго и конкретнаго истолкованія явленій тѣсно сливаются, точно также какъ тѣсно сливаются и изслѣдованія объектовъ различныхъ порядковъ. Изучая сложныя явленія, мы напр. не можемъ не говорить и о простѣйшихъ, хотя бы онѣ непосредственно подлежали анализу совсѣмъ другой науки. Это одно соображеніе о фактическомъ сліяніи научныхъ изслѣдованій различной степени и различныхъ моментовъ развитія, въ каждой реальной научной работѣ, еще болѣе подтверждаетъ высказанную нами мысль объ идеальномъ характерѣ научной классификаціи наукъ. Реальнымъ мотивомъ дробленія научной дѣятельности можетъ являться только принципъ раздѣленія труда, но этотъ чисто практическій принципъ часто расходится съ теоретическими или логическими требованіями, ибо примѣненіе его регулируется случайными условіями даннаго въ тотъ или другой моментъ состоянія знаній, научныхъ пріемовъ и научной литературы, а также условіями соціальными и общественными, которыя отражаются въ оффиціальномъ распредѣленіи наукъ въ ученыхъ учрежденіяхъ страны, въ способахъ ихъ преподаванія, въ обычаяхъ различныхъ научныхъ цеховъ и школъ и т. д. Естественная и научная классификація наукъ можетъ указывать только на то, какъ должно было бы разчленяться содержаніе науки, чтобы быть вполнѣ правильнымъ, а не на то, какъ оно дѣйствительно разчленяется и можетъ быть разчленяемо при наличныхъ внѣшнихъ и практическихъ, т. е. реальныхъ условіяхъ научной дѣятельности, которыя, можетъ быть, никогда не будутъ вполнѣ совпадать съ идеальными.

хологіи чувствованій» мы высказали ту мысль, что есть два различные источника познавательной дѣятельности человѣка: 1) внутренній или мѣстный, состоящій изъ наслѣдственной потребности ума искать пищу для своей дѣятельности; этотъ мотивъ— также объективный или теоретическій, и 2) внѣшній или общій, состоящій въ стремленіи человѣка расширить свои знанія для житейскаго своего обихода,—этотъ мотивъ представляется субъективнымъ или практическимъ.

Мотивъ внутренній влечетъ человѣка въ самыя отдаленныя сферы міровой жизни, въ сферы явленій простѣйшихъ и наиболѣе общихъ, могущихъ разъяснить ему природу явленій, болѣе спеціальныхъ и сложныхъ; мотивъ внѣшній, практическій, заставляетъ его, наоборотъ, спѣшить съ изученіемъ явленій ближайшихъ, съ которыми непосредственно связано его бытіе и которыя однако всего сложнѣе и труднѣе для пониманія (ср. I. с. X—XI).

Вслѣдствіе этого мы и находимъ de facto весьма значительно, хотя и далеко не научно — дифференцированными,—во всѣ времена относительно,—тѣ идеи объ объектахъ и тѣ идеи наукъ объ этихъ объектахъ, которыя всего сложнѣе и труднѣе для анализа и для правильной научной классификаціи. Напр., съ теоретической точки зрѣнія, соціологія, конечно,—самая юная и наименѣе опредѣленная въ своемъ содержаніи и въ своихъ научныхъ выводахъ—наука, а между тѣмъ, практически все то содержаніе, которое можетъ и должно быть подведено подъ идею соціологіи, является уже весьма полно, хотя бы и несовершенно,—дифференцированнымъ. Ибо куда, какъ не въ область соціологіи, мы отнесемъ всѣ такъ называемыя «гуманитарныя» науки, за исключеніемъ психологіи индивидуума, т. е. науки, которыя принято называть историческими, филологическими, юридическими? Соціологъ-естествоиспытатель (по методу и тенденціямъ) долженъ сознаться въ своемъ крайне затруднительномъ положеніи передъ задачею примиренія своихъ отвлеченныхъ идей о соціологіи и ея цѣляхъ съ конкретно—даннымъ, крайне разнообразнымъ содержаніемъ, которое должно войдти въ эту науку. Правда именно такую задачу примиренія почти всѣ соціологи, со времени Конта, весьма искусно

обходятъ, игнорируя данныя на лицо разнообразныя науки о явленіяхъ, имѣющихъ мѣсто въ обществѣ, и голословно отрицая за ними серіозную научную цѣну; но такое искусное уклоненіе отъ разрѣшенія упомянутой трудности не можетъ вѣчно продолжаться. Рано или поздно археологи, историки, филологи и юристы поставятъ свой ультиматумъ и припрутъ соціологовъ къ стѣнѣ, требуя отъ нихъ объясненія по вопросу о роли, которую послѣдніе имъ думаютъ отвести. Поэтому соціологу лучше прямо сознаться въ своемъ неумѣніи справиться съ задачею или же попытаться, хотя бы на первый разъ и несовершенно, отвѣтить на возможный въ будущемъ вопросъ упомянутыхъ ученыхъ. Это мы и попробуемъ сдѣлать, по мѣрѣ умѣнія. Дѣло въ томъ, что прототипомъ соціологической науки является наука психологическая. Разница въ томъ, что психологія изучаетъ «индивидуальныя» надъорганическія явленія, соціологія — «коллективныя», т. е. тѣ, которыя слагаются изъ различныхъ комбинацій первыхъ. Поэтому, если можно съ надеждою на успѣхъ отвергать правильность параллели между составомъ и отправленіями организма и общества, (которое нѣкоторыми мыслителями признается тоже своего рода «организмомъ»), то едва ли возможно отвергать правильность параллели между функціями психическаго организма, т. е. индивидуума, съ одной стороны, и общества, съ другой.

Обществу свойственны en grand всѣ тѣже отправленія, что и психическому индивидууму или субъекту, и проводить какую то грань между психологіею общества (или коллективной) и соціологіей кажется намъ страннымъ [1]), если только не разумѣть подъ «психологіей общества» конкретные отдѣлы той же «соціологіи». Конечно, явленія соціальной жизни, какъ болѣе сложныя, подлежатъ изученію и съ нѣкоторыхъ новыхъ точекъ зрѣнія, психологіи не свойственныхъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы вся соціологія не была, въ концѣ концовъ, всетаки лишь психологіей общества, хотя психологіей болѣе сложной и полной, чѣмъ та, которая имѣетъ объектомъ индивидуумъ, и, далѣе, чтобы возможно

---

[1]) Это дѣлаетъ напр. проф. Карѣевъ въ своей Философіи исторіи, т. II, гл. II, стр. 56.

было обосновать какой либо отдѣлъ соціологической науки иначе, какъ на основахъ психологіи индивидуума. По нашему крайнему убѣжденію, даже и такая наука, какъ политическая экономія, только тогда дѣйствительно сдѣлается наукою, когда станетъ строить свои выводы на почвѣ психологической [1]). Многіе изъ политико-экономическихъ заблужденій и предразсудковъ нашего времени именно и объясняются игнорированіемъ психологическихъ основъ жизни человѣческаго общества. Но объ этомъ въ другой разъ: къ этому вопросу мы когда нибудь еще вернемся.

Выходя изъ убѣжденія въ тѣсной органической связи соціологіи съ психологіей, мы естественно полагаемъ, что точка зрѣнія первой, при разчлененіи своего состава, можетъ быть только психологической. Нѣкоторые изъ нашихъ читателей вѣроятно уже знакомы съ нашей теоріей психическаго оборота, признающей слѣдующіе, органически связанные другъ съ другомъ, и послѣдовательные моменты взаимодѣйствія психическаго организма со средой и съ «физическимъ» нашимъ организмомъ: 1) ощущеніе (познаніе), 2) чувство (субъективная и нравственная оцѣнка внѣшнихъ фактовъ), 3) стремленіе или хотѣніе (субъективная или внутренняя дѣятельность), 4) движеніе или дѣйствіе (внѣшняя дѣятельность субъекта или выраженіе отношеній его къ средѣ).

Общественному организму несомнѣнно свойственны тѣже моменты взаимодѣйствія со средою и это порождаетъ соотвѣтствующіе разряды явленій въ его существованіи. Общество тоже познаетъ, чувствуетъ или даетъ нравственную и субъективную оцѣнку окружающимъ явленіямъ, стремится и желаетъ, и наконецъ дѣйствуетъ и выражаетъ вообще, тѣмъ или другимъ внѣшнимъ образомъ, свое отношеніе къ міру.

Всѣ эти комплексы явленій, познавательныхъ, чувствительныхъ, желательныхъ и дѣятельныхъ, могутъ быть предметомъ болѣе или менѣе самостоятельнаго научнаго анализа. Познавательная дѣятельность общества выражается въ его языкѣ, чувстви-

[1]) Этотъ взглядъ, впрочемъ, былъ уже высказываемъ и другими изслѣдователями.

тельность его въ нравахъ и обычаяхъ, желаніе и хотѣніе въ общественныхъ тенденціяхъ и въ политической борьбѣ его элементовъ, дѣятельность его — въ учрежденіяхъ и установленіяхъ, въ законахъ и внѣшнихъ нормахъ его быта. Кромѣ того, на болѣе высокихъ ступеняхъ его развитія, объективная жизнь его находитъ себѣ новое болѣе сложное выраженіе въ его наукѣ (познавательный моментъ, и въ его культурѣ (дѣятельный моментъ), субъективная-же жизнь отражается въ его искусствѣ (чувствительный моментъ) и въ его религіозныхъ воззрѣніяхъ (дѣятельный или волевой моментъ). Сообразно съ этимъ, соціологія, на различныхъ ступеняхъ ея развитія, можетъ имѣть объектомъ своимъ: 1) анализъ явленій познавательной дѣятельности общества, отражающихся въ языкѣ и въ состояніи наукъ и знаній, 2) анализъ явленій его чувствительности, выражающихся въ его обычаяхъ, нравахъ и въ художественномъ творчествѣ, 3) анализъ явленій его воли, которыя выражаются въ его общественныхъ, политическихъ и религіозныхъ тенденціяхъ и 4) анализъ явленій его дѣятельности, которыя отражаются въ его внѣшней культурѣ, въ его законахъ и установленіяхъ, юридическихъ, экономическихъ и спеціально политическихъ.

Отсюда возможность распредѣленія содержанія соціологіи на четыре главные отдѣла и возможность отнесенія въ эти отдѣлы уже существующихъ разрядовъ общетвенныхъ наукъ, наукъ филологическихъ — въ первый, науки объ общественной нравственности или соціальной этики, а такъ же науки объ искусствѣ, какъ соціальномъ явленіи — во второй отдѣлъ, науки исторіи (политической) и науки о религіяхъ — въ третій, наукъ юридическихъ и экономическихъ — въ четвертый отдѣлъ.

При этомъ прибавлю, что и наука о наукѣ, т. е. соціальная логика, въ отличіе отъ теоріи индивидуальной познавательной дѣятельности (т. е. индивидуальной логики), и въ параллель соціальной этикѣ (въ противуположность индивидуальной), должна тоже войти въ область соціологіи, а именно въ первый отдѣлъ наукъ соціальныхъ. Такимъ образомъ теперь мы знаемъ точнѣе, куда отнести и вопросъ о классификаціи наукъ, надъ разрѣшеніемъ котораго трудимся, — это вопросъ соціологическій, а

именно вопросъ соціальной, а не индивидуальной, теоріи познанія. Замѣтимъ еще, что явленія всѣхъ указанныхъ разрядовъ на конкретно-абстрактной стадіи, могутъ быть изучаемы съ двоякой точки зрѣнія, статической и динамической, такъ что и соціостатика и соціодинамика могутъ включать въ себя четыре болѣе спеціальныхъ разряда наукъ.

Эта попытка найти компромиссъ между научною идеею о соціологіи, которая выработана философами, и между существующею системою наукъ, изучающихъ явленія соціальнаго порядка, можетъ быть, окажется на первый разъ и неудачной. Объ этомъ не намъ судить. Для насъ несомнѣнно лишь одно, что существующая нынѣ соціологія, благодаря упорному отчужденію своему отъ обычной точки зрѣнія, принятой при расчлененіи наукъ о человѣчествѣ, часто витаетъ въ заоблачныхъ сферахъ и, перескакивая чрезъ обильный матеріалъ фактовъ и обобщеній, уже добытыхъ этими науками, напрасно затрудняетъ себя, ища совершенно новаго и еще никѣмъ не тронутаго матеріала для своихъ выводовъ [1]), а также напрасно спѣшитъ къ отвлеченнымъ теоріямъ и конечнымъ заключеніямъ, между тѣмъ какъ для нихъ время еще далеко не настало. Надо сперва разобраться въ существующемъ матеріалѣ, дать ему правильную научную классификацію, подвергнуть его новому, кропотливому и долговременному, по самой силѣ вещей, анализу, научно опредѣлить элементы сложныхъ соціальныхъ явленій различныхъ классовъ и затѣмъ уже перейти къ абстракціямъ. А въ настоящее время всякая отвлеченная соціальная теорія можетъ имѣть только значеніе философской гипотезы, а не научной доктрины, и если эта соціальная теорія въ добавокъ еще претендуетъ на научность, то она вливается въ русло «метафизики», — ибо иначе, какъ помощью метафизическихъ фокусовъ и логическихъ salto mortale, такая теорія и не можетъ пріобрѣсти внѣшняго научнаго лоска. Мы лично, надѣемся, доказали напримѣръ, довольно наглядно въ своемъ «Опытѣ опредѣленія понятія прогресса», какія сложныя,

---

[1]) Такой пріемъ, конечно, полезенъ и необходимъ, но не какъ единственно-возможный и исключительно-цѣнный.

разнообразныя и кропотливыя изслѣдованія предварительно необходимы для того, чтобы прійти къ научному опредѣленію этого понятія (см. особую статью нашу: «Прогрессъ и наука»). Большая часть соціологическихъ обобщеній должна опираться не только, какъ мы ужь указали выше, на выводы психологическіе, но чрезъ посредство психологіи, и на выводы біологіи, наукъ физическихъ и даже космологическихъ, а между тѣмъ, положенія всѣхъ этихъ наукъ тоже еще не совершенны, не полны и односторонни.

По этому поводу скажемъ кстати нѣсколько словъ о взаимной зависимости наукъ, занимающихъ различныя ступени въ общей, указанной нами, іерархіи. Мы уже упомянули о томъ, что Контъ, признавая математическія науки относящимися до извѣстной степени къ области «философіи природы», въ тоже время принимаетъ однако и обычный взглядъ на математику, какъ на инстументальную науку совершенно особаго порядка.

По поводу такого разчлененія математики на двѣ отличныя другъ отъ друга области замѣтимъ слѣдующее. Контъ, конечно, совершенно правъ, противуполагая конкретную математику (геометрія, механика) абстрактной — и мы сами различили эти двѣ области математики, опредѣливъ ихъ отношенія болѣе точно терминами «конкретно-абстрактной» и «абстрактной» стадіи развитія космологическихъ идей. Но если мы разъ признаемъ, что абстрактная математика развилась на основахъ конкретной или, скорѣе, конкретно-абстрактной, т. е. признаемъ органическую связь въ развитіи идей, въ предѣлахъ той и другой, а такую связь признаетъ конечно и Контъ, на основаніи всей своей теоріи развитія научныхъ идей, то спрашивается, какое онъ имѣетъ въ такомъ случаѣ право отрицать и за абстрактной математикой, какъ дальнѣйшей стадіей развитія конкретной, значеніе такого же отдѣла «естественной философіи», какимъ онъ считаетъ эту послѣднюю, и далѣе — считать одну лишь абстрактную математику вспомогательною, инструментальною наукою по отношенію ко всѣмъ остальнымъ, если она есть продуктъ развитія математики конкретной. Тутъ есть серіозное противорѣчіе, которое можно устранить только признаніемъ всей математики вообще и за отдѣлъ «философіи

природы», какъ онъ выражается, или «науки о природѣ», какъ мы скажемъ, — и за «инструментальную науку», въ отношеніи къ другимъ наукамъ о природѣ. И это фактически будетъ болѣе вѣрно уже потому, что и геометрія, и механика имѣютъ инструментальное значеніе по отношенію къ другимъ наукамъ, напр. химіи (отдѣлъ кристалологіи) и физикѣ (отдѣлъ барологіи, по выраженію Конта). Но теперь спрашивается, является ли такое инструментальное значеніе всѣхъ математическихъ знаній какою-либо спеціальною особенностью математики и единственнымъ, въ своемъ родѣ, въ области науки фактомъ, или нѣтъ? Не слѣдуетъ ли, напротивъ, признать за всѣми науками, входящими въ область «естественной философіи», т. е. науки о природѣ вообще, такое же точно инструментальное значеніе по отношенію ко всѣмъ наукамъ высшаго порядка, слѣдующимъ за данными въ установленной іерархіи наукъ? Конечно, современные методы естествознанія уже доказали съ очевидностью, что на этотъ вопросъ слѣдуетъ отвѣчать утвердительно. Химія, физика и гилологія (наука о веществѣ вообще) имѣютъ инструментальное значеніе по отношенію къ другимъ наукамъ объ органическихъ явленіяхъ (органическая химія), а чрезъ посредство ихъ ко всѣмъ прочимъ наукамъ высшихъ порядковъ, — анатомія, физіологія и біологія имѣютъ инструментальное значеніе по отношенію къ наукамъ психологическаго круга, — психологическія науки, какъ мы это уже видѣли, имѣютъ инструментальное значеніе по отношенію къ наукамъ соціальнымъ. Отсюда и вытекаютъ такіе, напр., факты, что соціологическое понятіе «прогресса», для полнаго научнаго опредѣленія своего, нуждается и въ математическихъ пріемахъ формулировки выводовъ, и въ физическихъ методахъ, (ведущихъ къ правильному установленію закона сохраненія энергіи), и въ біологическомъ методѣ, (единственно способномъ найти естественное примѣненіе этого закона къ жизни организмовъ), и въ методѣ психологическомъ, (долженствующемъ установить правильную идею о балансѣ нашихъ чувствованій, которыя играютъ роль въ оцѣнкѣ прогрессивности внѣшнихъ явленій для человѣка). Слѣдовательно, химія, физика и всѣ остальныя науки въ такой же степени пользуются математикой, какъ методомъ, въ какой

физіологія и всѣ науки, отъ нихъ зависящія, въ свою очередь должны пользоваться химіей и физикой, какъ вспомогательными методами въ своихъ изслѣдованіяхъ, — въ какой далѣе психологія пользуется въ своемъ анализѣ физіологіей, какъ вспомогательнымъ пріемомъ, а соціологія — психологіей. Наука, какъ дѣятельность, вѣдь и есть главнымъ образомъ тотъ или другой методъ изслѣдованія данныхъ явленій природы и, если каждая наука, сообразно съ специфическими особенностями соотвѣтствующихъ ей явленій, вырабатываетъ и свой особенный методъ въ ихъ изученіи, то это не значитъ еще, что этотъ методъ способенъ устранить и сдѣлать излишними тѣ методы, которыми пользовались науки низшаго порядка, ибо данныя болѣе сложныя явленія развились сами на основѣ другихъ, болѣе простыхъ, которыя продолжаютъ входить ингредіентомъ въ ихъ составъ, и опредѣленіе и расчлененіе которыхъ должно совершаться при помощи тѣхъ самыхъ методовъ, какими пользовались по отношенію къ нимъ науки низшаго порядка, когда онѣ были самостоятельнымъ и главнымъ предметомъ изслѣдованія. Такъ напр. соціальная жизнь слагается, кромѣ моментовъ, ей одной присущихъ, изъ цѣлаго ряда не только психическихъ взаимодѣйствій индивидуумовъ, но и органическихъ взаимодѣйствій ихъ организмовъ со средою и, далѣе, она отражаетъ на себѣ — подъ именемъ вліянія среды — вліянія чисто физическихъ и химическихъ, т. е. геологическихъ, процессовъ, въ окружающемъ веществѣ (вліяніе, напр., вулканическихъ переворотовъ на состояніе культуры и общественныхъ установленій даннаго народа въ данной странѣ), а также и вліяніе процессовъ космическихъ (вліяніе кометъ и различныхъ метеорологическихъ феноменовъ на настроеніе общества и на его отвѣтныя дѣйствія, не говоря о косвенномъ вліяніи тѣхъ же феноменовъ на общественную жизнь чрезъ посредство воздѣйствій, которыя они оказываютъ на явленія геологическія и чрезъ нихъ на жизнь организмовъ и психическихъ индивидуумовъ).

Поэтому крайне одностороние и странно было бы въ наше время продолжать говорить о математикѣ, какъ объ инструментальной наукѣ совершенно особаго характера. Всѣ науки являются имѣющими значеніе и сами по себѣ, и какъ орудія другихъ

высшихъ наукъ, ибо въ этомъ именно и состоитъ сущность взаимной зависимости и тѣснаго сплетенія (enchaînement) наукъ, о которомъ говоритъ самъ Контъ. Математика только тѣмъ отличается отъ другихъ наукъ, что она стоитъ въ первомъ ряду ихъ и, служа орудіемъ всѣхъ остальныхъ, сама всего менѣе пользуется ими, какъ орудіемъ, между тѣмъ какъ соціологія, стоящая въ послѣднемъ ряду, наоборотъ пользуется всѣми науками, какъ методами, а сама не играетъ по отношенію къ нимъ такой служебной роли.

Однако и эта, на первый разъ, рѣзкая неравномѣрность въ распредѣленіи ролей, какъ мы сейчасъ увидимъ, вполнѣ уравновѣшивается другимъ фактомъ: обратнаго воздѣйствія наукъ о явленіяхъ болѣе сложныхъ на науки о явленіяхъ болѣе простыхъ, но уже не столько чрезъ посредство методовъ, сколько помощью своего содержанія. Дѣло въ томъ, что, будучи приложенъ къ изслѣдованію объектовъ высшаго порядка, методъ данной науки пріобрѣтаетъ чрезъ это самое новый фактическій матеріалъ для своего приложенія и сопоставленіе этого новаго фактическаго матеріала съ старымъ, спеціально свойственнымъ, соотвѣтствующей данному методу, наукѣ, не можетъ не расширить горизонта этой послѣдней и не повліять тѣмъ самымъ весьма существенно на ея содержаніе и дальнѣйшіе выводы. Вообще, если методъ данной науки прилагается къ изслѣдованію матеріала, свойственнаго наукѣ высшаго порядка, то чрезъ это онъ, если не измѣняется, то углубляется и расширяется, такъ что зависимость наукъ въ концѣ концевъ оказывается взаимной и столько же, сколько одна наука получаетъ отъ другой, столько же именно она и отдаетъ ей, платя только другою монетою. Нагляднымъ примѣромъ этихъ взаимныхъ услугъ различныхъ отдѣловъ науки служатъ пріобрѣтенія неорганической химіи, сдѣланныя ею вслѣдствіе развитія химіи органической, пріобрѣтенія физіологіи, сдѣланныя ею въ служеніи цѣлямъ психологіи и т. д. Наконецъ, сама математика, эта гордая командирша наукъ, по заявленію спеціалистовъ, можетъ кое-что пріобрѣсти даже отъ одной попытки, хотя и преждевременной и по нашему мнѣнію мало плодотворной, приложить свои методы къ изслѣдованіямъ законовъ и

процессовъ мысли, т. е. къ изслѣдованіямъ логическимъ. По крайней мѣрѣ мы лично слышали отъ нѣкоторыхъ математиковъ, что чтеніе работъ Буля, Джевонса и другихъ логиковъ, трудившихся въ этомъ направленіи, было для нихъ, съ ихъ собственной точки зрѣнія, весьма назидательнымъ.

Такъ какъ мы уже коснулись вообще вопроса о методахъ различныхъ наукъ, то вслѣдъ за указаніемъ взаимной зависимости этихъ послѣднихъ, съ точки зрѣнія ихъ методовъ, коснемся еще другого важнаго вопроса, а именно о единствѣ методовъ науки. Мы не будемъ подпимать при этомъ вновь стараго, уже затронутаго нами выше, вопроса о противуположности апріорнаго и апостеріорнаго методовъ науки, ибо этотъ вопросъ для лицъ, чуждыхъ узкихъ предразсудковъ «школы», считаемъ всетаки, если не прямо, то косвенно, уже вполнѣ разрѣшеннымъ современною психологіею, въ смыслѣ неблагопріятномъ для этого контраста [1]). Но зато мы коснемся подробнѣе другого, несравненно болѣе важнаго вопроса.

Дѣло въ томъ, что мы сами, развивая принципы своей классификаціи наукъ, весьма часто противуполагали понятія внѣш-

---

[1]) Н. И. Пироговъ въ своихъ „Посмертныхъ запискахъ“ (Русск. Стар., 1884 г., септ.) справедливо говоритъ, что „и апріористъ, также какъ и эмпирикъ (т. е. апостеріористъ), берутъ за исходную точку своихъ сужденій фактъ—„factum“, нѣчто для нихъ обоихъ неопровержимое и пріобрѣтенное первоначально чувствами и опытомъ... Но у апріориста болѣе важную роль играютъ не столько непосредственныя, чувственныя впечатлѣнія, сколько заключенія, сложившіеся въ умѣ и фантазіи изъ этихъ впечатлѣній... Однако и раціональный эмпирикъ, изобрѣтая разные способы наблюденія и опыта, контролируя одинъ опытъ другимъ, неминуемо пускаетъ въ ходъ фантазію, и умозаключенія его никогда не могутъ удержаться въ непосредственной связи съ чувственными впечатлѣніями, доставляемыми прямо опытомъ и наблюденіями, (Стр. 500—501). Этотъ взглядъ Пирогова прекрасно выражаетъ современную психологическую теорію, по которой различіе апріорнаго и апостеріорнаго мышленія состоитъ только въ количественномъ отношеніи, участвующихъ въ нихъ обоихъ, моментовъ, „опыта“ и „умственной переработки его матеріала“. Впрочемъ этотъ же взглядъ уже выраженъ Бэкономъ въ его ученіи объ anticipationes и interpretatio naturae. Онъ говоритъ: „duae viae sunt, atque esse possunt, ad inquirendam et inveniendam veritatem... Utraque via aditur a sensu et particularibus et acquiescit in maxime generalibus; sed immensum quiddam discrepant: cum altera perstringat tantum experientiam et particularia cursim, altera in iis rite et ordine versetur и т. д. (Novum Organum, Aphorismi, L. primus, XIX—XXX).

няго, физическаго, (по старой терминологіи «объективнаго») и внутренняго, психологическаго, (по старой терминологіи «субъективнаго») методовъ разчлененія знаній и наукъ. Это противуположеніе можетъ привести, пожалуй, нѣкоторыхъ читателей, поверхностно вникшихъ въ нашъ кругъ идей, къ тому выводу, что разрушая двойственность науки съ одной и другой точки зрѣнія, на которыя мы выше указали, мы возстановляемъ её съ третьей, столько-же методологической точки зрѣнія, какъ и та, которая дробила знанія на апріорныя и апостеріорныя. «Вся разница, скажутъ намъ, что у васъ, вмѣсто стараго контраста опытнаго и внѣ-опытнаго знанія, возникаетъ новый, — именно контрастъ двухъ видовъ опытнаго знанія, основанныхъ на различіи внѣшней и внутренней воспріимчивости; но не придется-ли вамъ и съ точки зрѣнія этого методологическаго контраста признать правильнымъ старое противуположеніе наукъ «о природѣ и о человѣкѣ», такъ какъ вѣдь несомнѣнно, что въ изученіи природы главную роль играетъ внѣшній опытъ, въ изученіи человѣка — внутренній»..

На это возраженіе, которое на первый взглядъ, повидимому, должно поставить насъ въ очень затруднительное положеніе, мы и попытаемся еще какъ можно короче отвѣтить.

Мы ставимъ и постараемся какъ можно точнѣе мотивировать слѣдующіе четыре тезиса:

во 1-хъ, между внѣшнимъ и внутреннимъ опытомъ нѣтъ рѣзкой противуположности и строгихъ границъ: различіе того и другого для современнаго психолога совершенно условно;

во 2-хъ, нѣтъ области знанія и, слѣдовательно, науки, которая могла бы быть создана иначе, какъ при совмѣстномъ участіи внѣшняго и внутренняго опыта въ различныхъ пропорціяхъ и отношеніяхъ;

въ 3-хъ, развитіе методовъ познанія въ восходящей іерархіи наукъ, завися отъ развитія и отношенія соотвѣтствующихъ явленій, есть развитіе столько же внѣшняго, сколько и внутренняго опыта параллельно и въ ихъ союзѣ другъ съ другомъ; при этомъ въ каждой высшей въ іерархіи наукѣ, de jure не упраздняются, а лишь расширяются, совершенствуются и ос-

ложняются методы науки ближайшаго нисшаго порядка,— и если de facto бываетъ иначе, то вслѣдствіе непониманія истиннаго отношенія наукъ и явленій, ими изслѣдуемыхъ;

въ 4-хъ, вслѣдствіе всего этого: науки психологическія и соціологическія, трактующія главнымъ образомъ, но не исключительно, о человѣкѣ, отличаются отъ наукъ космо-и геологическихъ, фито-и зоологическихъ не противуположностью своихъ методовъ, основанныхъ будто-бы на противуположности внѣшняго и внутренняго опыта, а лишь большею сложностью ихъ, т. е. большею сложностью, соединенныхъ и интегрированныхъ другъ съ другомъ въ одно неразрывное цѣлое, методовъ внѣшняго и внутренняго опыта. Примѣромъ такой интеграціи является и наша классификація наукъ, построенная на объединенныхъ принципахъ развитія явленій природы и явленій сознанія (идей), при чемъ первый извлеченъ по преимуществу изъ внѣшняго, второй по преимуществу изъ внутренняго опыта.

Такъ какъ настоящая статья посвящена вопросу о классификаціи наукъ, а не изслѣдованію ихъ методовъ, то подробное доказательство этихъ тезисовъ мы оставимъ до другаго времени. Теперь единственная наша цѣль — доказать, что въ нашей теоріи науки нѣтъ внутреннихъ противорѣчій, а потому мы намѣрены не доказывать, а, какъ замѣчено выше, только мотивировать упомянутые тезисы, т. е. пояснить, на какихъ основаніяхъ мы ихъ принимаемъ. Самыя же эти основанія подробно разберемъ и докажемъ въ другомъ изслѣдованіи.

1) Тезисъ объ отсутствіи рѣзкой противоположности и точныхъ границъ между внѣшнимъ и внутреннимъ опытомъ мы можемъ мотивировать слѣдующимъ образомъ. Весь нашъ опытъ основанъ на ощущеніяхъ. Ощущенія эти дѣлятся на внѣшнія, относящіеся къ средѣ, и внутреннія, или органическія, относящіяся къ организму и между прочимъ къ процессамъ нервнымъ и мозговымъ или психо-физіологическимъ. Эти мозговыя ощущенія (названныя нами въ другомъ трудѣ: «Къ вопросу о реформѣ логики» — интеллектуальными) и составляютъ главную основу внутренняго опыта, какъ орудія самопознанія въ собственномъ смыслѣ. Но вѣдь и внѣшнія, и внутреннія ощущенія суть

ближайшимъ образомъ ощущенія перемѣнъ въ нашихъ органахъ, (ибо мы ощущаемъ непосредственно, напр., не движенія свѣтовыхъ и звуковыхъ волнъ, а соотвѣтствующія имъ измѣненія въ нашихъ органахъ, т. е. въ органахъ зрѣнія, слуха, и т. д.). Даже болѣе того: эти периферическіе органы соединены непосредственно съ центрами второстепенныхъ мозговыхъ массъ (спиннаго, продолговатаго мозга, зрительныхъ бугровъ и т. д.), которые въ свою очередь соединены съ центрами первостепенными, въ большомъ мозгу, раздраженіе которыхъ только и даетъ сознаніе т. е. ощущенія—въ настоящемъ значеніи слова. Слѣдовательно, мы непосредственно ощущаемъ даже не перемѣны въ периферическихъ органахъ, а перемѣны въ центрахъ, съ ними соединенныхъ, —и это столько же въ сферѣ внѣшняго, сколько и въ сферѣ внутренняго опыта. Вся разница, что въ силу организаціи мы объективируемъ однѣ ощущенія внѣ организма, въ средѣ, минуя передаточные органы,—другія—въ организмѣ. Но и это различіе не столь радикально, ибо, во первыхъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, напр. въ галлюцинаціяхъ и иллюзіяхъ, мы объективируемъ въ среду ощущенія чисто внутреннія, въ другихъ, напр. если въ наше тѣло попалъ посторонній предметъ (пуля, иголка и т. п.), мы ощущаемъ «среду» путемъ внутреннихъ, органическихъ ощущеній и объективируемъ её въ организмѣ. Во вторыхъ, между средой и организмомъ тоже часто нѣтъ рѣзкихъ границъ (пища, переработываемая и всасываемая нашимъ кишечникомъ—не есть организмъ, но уже не есть и среда), такъ что ощущенія въ этихъ случаяхъ внѣшне-внутреннія (Аристотель былъ поэтому отчасти правъ, считая вкусовыя ощущенія «внутренними»). Въ третьихъ, есть ощущенія, а именно половыя, въ которыхъ уже положительно внѣшняя и внутренняя чувствительность сливаются; даже въ ощущеніяхъ, сопровождающихъ поцѣлуй, объятіе или рукопожатіе, это сліяніе замѣтно.

Все это заставляетъ насъ утверждать, что между внѣшними и внутренними ощущеніями есть переходныя, безразличныя ощущенія (того и другого порядка вмѣстѣ) и что рѣзкихъ границъ и противоположности между ними не существуетъ: эта противоположность существуетъ только на двухъ полюсахъ (внѣшнія

ощущенія зрѣнія и слуха и внутреннія психическія или мозговыя ощущенія) и потому она условна. Тѣже соображенія заставляютъ насъ находить неправильнымъ обычное противоположеніе внѣшняго и внутренняго опыта, какъ объективнаго и субъективнаго (употребленіе, ведущее свое начало отъ Канта). Субъективная наша воспріимчивость выражается только въ чувствованіяхъ, т. е. удовольствіяхъ и страданіяхъ, и въ сложныхъ чувствахъ, ихъ комбинаціяхъ, которыя мы рѣзко различаемъ отъ ощущеній. Ощущенія же, и внѣшнія, и внутреннія, всегда объективны, ибо мозгъ нашъ есть тоже объектъ ощущенія, а не субъекта. Субъектъ вообще ощущать себя не можетъ: онъ только чувствуетъ себя, а чувство не можетъ быть источникомъ знанія. Можно знать чувство,—ощущать, что чувствуешь; но это не тоже, что «чувствовать» непосредственно. Отсюда общій выводъ: все познаніе наше основано на объективномъ опытѣ, внѣшнемъ и внутреннемъ, между которыми нѣтъ рѣзкихъ границъ, рѣзкой противоположности.

2) Мотивировать мысль, что «внутренній» опытъ не можетъ обходиться безъ помощи и содѣйствія «внѣшняго», нѣтъ надобности, ибо извѣстно, какую роль въ психологическихъ изслѣдованіяхъ играетъ истолкованіе внѣшнихъ выраженій чувствъ, волненій, состояній ума и воли и т. д. у другихъ людей, животныхъ и себя самаго—«по аналогіи съ другими». Кромѣ того, въ умозаключеніяхъ психолога, основанныхъ на внутреннемъ опытѣ и самонаблюденіи, громадную роль играютъ его анатомическія и физіологическія познанія объ организмѣ, пріобрѣтаемыя внѣшнимъ опытомъ. Мотивировать же мысль, что и «внѣшній» опытъ невозможенъ безъ участія «внутренняго», можно слѣдующимъ образомъ. Во 1) со времени Локка мы знаемъ—и Кантъ только ясно и систематически провелъ эту мысль—какое широкое участіе играетъ внутренній опытъ въ общихъ представленіяхъ и понятіяхъ о пространствѣ, времени, причинной связи, тождествѣ, различіи, количественныхъ, модальныхъ и другихъ отношеніяхъ и т. д. (категоріи воспріятія и ума), подъ которыя мы подводимъ всѣ наши знанія, почерпнутыя изъ внѣшняго опыта. И мы лично старались психологически прослѣдить первоначальное

возникновеніе и развитіе всѣхъ этихъ представленій и понятій въ связи съ внутренними (органическими и въ частности интеллектуальными и психическими) ощущеніями въ нашемъ трудѣ «Къ вопросу о реформѣ Логики». Во 2-хъ) есть во всѣхъ такъ называемыхъ физическихъ наукахъ и рядъ спеціальныхъ идей, въ которыхъ элементы внутренняго и внѣшняго опыта смѣшаны, какъ, напр., идеи движенія въ физикѣ, притяженія въ астрономіи, жизни въ біологіи. Можетъ-ли физикъ мыслить о движеніи, не мысля «усилія», служащаго причиной и условіемъ преодолѣванія препятствій движущимся тѣломъ, а «идея усилія», конечно, почерпнута первоначально изъ внутренняго, а не изъ внѣшняго опыта и уже послѣ перенесена на этотъ послѣдній. Точно также и идея притяженія, какъ показываетъ самый терминъ, ближайшимъ образомъ связана съ внутреннимъ опытомъ, какъ на это указалъ уже Льюисъ (Изуч. Психологіи, § 94). Изъ идеи жизни мы никакъ не можемъ устранить своихъ внутреннихъ «ощущеній жизни». Да и однѣ ли эти идеи связаны съ внутреннимъ опытомъ? Можно найти въ астрономіи, физикѣ, химіи, біологіи массу терминовъ, первоначальное значеніе которыхъ ассоціировано съ данными нашего внутренняго опыта и которыя послѣ уже перенесены на явленія внѣшняго опыта.

На основаніи этихъ и другихъ подобныхъ соображеній, мы и ставимъ общую посылку, что во всѣхъ сферахъ познанія внѣшній и внутренній опыты въ различныхъ формахъ и пропорціяхъ органически связаны другъ съ другомъ.

3) Мы уже показали выше, какимъ образомъ каждая низшая въ іерархіи наука является методомъ и орудіемъ науки высшей. Если всѣ явленія подчинены законамъ развитія и осложненія, то понятно, что болѣе сложныя явленія содержатъ въ себѣ всѣ менѣе сложныя или болѣе простыя, откуда ясно, что de jure методъ каждой высшей науки, изслѣдующей явленія болѣе сложныя, долженъ поглощать методы всѣхъ низшихъ наукъ.

Мы еще не дожили, конечно, до того времени, когда химія и физика будутъ въ состояніи оказать существенныя услуги психологіи и соціологіи, ибо для этого и химія, и физика, и анатомія, и физіологія, и сама психологія, и соціологія должны зна-

чительно усовершенствоваться. Но мы за то уже дожили до того времени, когда психологія сознала необходимость поглотить въ свой методъ методы анатоміи и физіологіи. При этомъ было-бы ошибочно думать, что она беретъ безъ измѣненія методы этихъ послѣднихъ наукъ, т. е. не развиваетъ далѣе внѣшняго наблюденія, а только дополняетъ его внутреннимъ. Не говоря уже о развитіи внѣшняго опыта въ наблюденіяхъ надъ «выраженіемъ» душевныхъ состояній, — развѣ германскіе психофизики и психо-физіологи, особенно Вундтъ, не усовершенствовали и не развили колоссально, для психологическихъ цѣлей, методовъ «физіологическихъ» изслѣдованій, какъ сферы внѣшняго опыта. Работы Вундта и его сотрудниковъ по экспериментальной психологіи открываютъ новое широкое поле для развитія внѣшняго опыта, соотвѣтственно возрастающей сложности явленій. Соціологія еще не выработала своей особой стройной методологіи, но развѣ уже и теперь существующіе методы соціальныхъ наукъ — лингвистическій, историческій, антропологическій, этнографическій и др. подобные, еще весьма разъединенные, не представляютъ собою сложной амальгамы пріемовъ внѣшняго и внутренняго опыта, имѣющихъ совершенно специфическія черты?

На основаніи этихъ и другихъ подобныхъ мотивовъ, мы и утверждаемъ, что во всей іерархіи наукъ совершается послѣдовательное и непрерывное развитіе, сообразно возрастающей сложности явленій, методовъ соединеннаго внѣшняго и внутренняго опыта, такъ что сообразно съ іерархіею явленій можно создать и параллельную «іерархію методовъ внѣшняго и внутренняго наблюденія». А такъ какъ эти послѣдніе такъ тѣсно связаны, что ихъ можно отдѣлить другъ отъ друга только въ абстракціи, въ мысли, а не реально, то существующій контрастъ внѣшняго и внутренняго наблюденія, какъ «различныхъ методовъ различныхъ наукъ» мы совершенно отвергаемъ.

Психологія пользуется не отдѣльно взятымъ методомъ внутренняго наблюденія или самонаблюденія, а своимъ особымъ психологическимъ методомъ, составляющимъ сложную амальгаму изъ взаимодѣйствія методовъ и внѣшняго, и внутренняго наблюденія. И такъ-же точно и всѣ остальныя науки. Этимъ раз-

мышленіемъ мотивированъ и 4-й нашъ тезисъ, составляющій дальнѣйшее развитіе третьяго. На основаніи ихъ мы утверждаемъ:

4) Рѣзкаго контраста между науками о человѣкѣ и науками о природѣ нельзя провести—и съ точки зрѣнія противоположности внѣшняго и внутренняго опыта. Мы изучаемъ одновременно и себя — въ природѣ, и природу — въ себѣ. Оттого понятіе «космологіи», въ концѣ концевъ, обнимаетъ собою всѣ остальныя частныя понятія наукъ, составляющихъ только спеціальныя области общей и единой науки о мірѣ, — съ другой стороны, понятіе «соціологіи» въ такой-же степени обнимаетъ и поглощаетъ всѣ другія понятія наукъ, ибо для человѣка — и космологія, и геологія, и физіологія, и зоологія, и психологія суть только подготовительныя ступени и элементы этой «конечной» его науки, — соціологіи, поглощающей въ себѣ всѣ остальныя знанія. Эту двоякую истину понялъ еще Ог. Контъ, признавая «первоначальное раціональное первенство» (suprématie rationelle) математической философіи (по нашему «космологіи») и «конечное интеллектуальное главенство» (Souveraineté intellectuelle) соціальной философіи (или соціологіи), которую онъ называетъ конечною наукой (Science finale) [1]. Наука есть синтезъ центробѣжныхъ и центростремительныхъ силъ человѣческаго ума. Первыя обнаруживаются во внѣшнемъ опытѣ, въ идеѣ природы и въ понятіи единой науки о мірѣ — космологіи. Вторыя обнаруживаются во внутреннемъ опытѣ, въ идеяхъ сознанія, общества, союза, и въ понятіи единой науки о міровомъ сознаніи и о міровомъ союзѣ—соціологіи. Двусторонній міръ представляетъ такое-же полное единство, какъ и двусторонняя наука.

Изъ всѣхъ этихъ разсужденій читатель уже видитъ общій характеръ всей нашей теоріи познанія и въ частности нашей теоріи «науки», стремящихся привести къ высшему синтезу монизма и дуализма «явленій природы», стремящихся оправдать существующія въ ней единство въ двойственности и двойственность въ единствѣ. Это оказывается возможнымъ при

[1]) Ср. Cours de philos. posit. VI, особ. стр. 533 и слѣд., стр. 712 и слѣд.

нѣкоторомъ исправленіи и правильномъ синтезѣ позитивнаго метода Конта и эволюціонной точки зрѣнія Спенсера. Поэтому и всю нашу теорію познанія и, въ частности, выработанную нами, въ видѣ опыта, классификацію наукъ, назовемъ въ отличіе отъ другихъ, позитивно-эволюціонною.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Объ изданіи въ 1885 году журнала
„РУССКОЕ БОГАТСТВО"
съ января 1885 г.

«Русское Богатство» будетъ выходить, какъ и прежде, книжками отъ 11 до 15 печатныхъ листовъ, исключая мая и іюня, выходящихъ въ одной двойной книжкѣ съ удвоеннымъ количествомъ листовъ (до 24), съ тѣми же отдѣлами, т. е. научнымъ, научно-философскимъ, критическимъ, научныхъ новостей, отдѣломъ новыхъ книгъ, беллетристики, т. е. романовъ, повѣстей, разсказовъ, стихотвореній,—и, кромѣ того, отдѣломъ по внутреннимъ вопросамъ.

Въ журналѣ принимаютъ участіе — въ научномъ отдѣлѣ: **А. Г. Геричъ** (лаб. физической лаборат. одес. унив.). **Доцентъ С. П. Глазенапъ** (директоръ обсерваторіи спб. унив. и докторъ астрономіи). **Проф. Н. Я. Гротъ** (докторъ философіи). **В. Гуторъ. Проф. П. Лесгафтъ. Магистръ П. Никольскій** (гистологія). **А. К. Миховскій. В. Португаловъ.** — Въ отдѣлѣ литературы и критики: **С. Атава. Н. Гриневичъ.** (Алексѣевъ). **С. Дрожжинъ. Е. О. Дубровина. В. Ивановъ. М. Н. Красовъ** (Л. Е. Оболенскій). **А. В. Кругловъ. А. Михайловъ** (А. К. Шеллеръ). **П. В. Мокіевскій. Проф. Ор. Ф. Миллеръ. Н. М. Поповъ** (изъ Воронежа). **А. И. Пальмъ. А. М. Пальховскій. И. И. Печковскій. А. Г. Сахарова. Л. Х. Симонова. Н. Северинъ. П. А. Тверской. М. К. Цебрикова. А. Чернышевскій, Н. Т., Игорь Тютрюмовъ** и **Н. Щедровъ.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ:

Безъ доставки.	Съ пересылкой и доставкой.
7 рублей.	**8 рублей.**

Допускается разсрочка: при подпискѣ 5 р. и не позднѣе конца іюня 3 р., а по соглашенію съ редакціей и болѣе облегченная разсрочка: при подпискѣ 3 р., въ апрѣлѣ 2 р. и въ іюнѣ 3 р. Лица, не могущія сдѣлать въ срокъ этихъ взносовъ должны предупредить объ этомъ письменно, и тогда имъ высылка журнала не пріостанавливается до декабря. Лица, пользовавшіяся уступкой на «Мысль», пользуются ею и на «Русское Богатство» въ размѣрѣ 1 р.

Адрессъ редакціи: **Конно-Гвардейская ул. (С.-Петербургъ), д. 52, кв. 15, Л. Е. Оболенскому.** Городскіе подписчики могутъ обращаться въ контору редакціи при книжномъ магазинѣ Цинзерлинга (Невскій, возлѣ Пассажа, д. № 46).

За перемѣну адреса иногороднаго на городской и городского на иногородный—50 к.; иногороднаго на иногородный—25 к.; городского на городской—безплатно.

Личный пріемъ у издателя только по пятницамъ отъ 1 ч. до 4-хъ.

Редакторы: { П. В. Быковъ.
{ Д-ръ мед. С. И. Поповъ.

Издатель Л. Е. Оболенскій.

2007237563